

*Сергей
Алексеев*

Рассказы о Суворове и русских солдатах

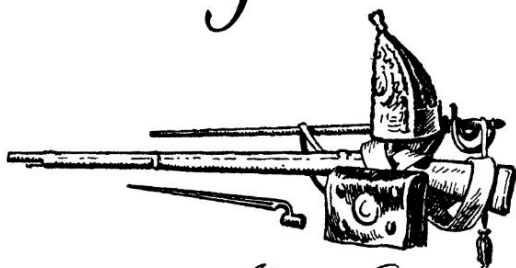
Издательство
«Детская литература»

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Сергей Алексеев

Рассказы о Суворове и русских солдатах

Москва
„Детская литература“
1984

Вы, конечно, уже догадались, о чём эта книга. О мужестве русских солдат, о боях и походах, о прославленном нашем предке великом русском полководце Александре Васильевиче Суворове.

Автор «Рассказов о Суворове и русских солдатах» Сергей Петрович Алексеев многим из вас уже хорошо известен.

Видимо, есть среди вас немало читателей, которые знают другие книги Сергея Алексеева. А таких книг немало. Среди них исторические повести «Небывалое бывает», «История крепостного мальчика», «Грозный всадник», «Жизнь и смерть Гришати Соколова», «Птица-слава».

Широко известны повести С. Алексеева «Декабристы», «Сын великана», «Братишка», сборник рассказов «Упрямая льдина», «Октябрь шагает по стране», а также книги «Идёт война народная» и «Богатырские фамилии».

В 1970 году за создание рассказов по русской истории Сергею Алексееву была присуждена Государственная премия РСФСР им. Н. К. Крупской, а в 1979 году присуждена премия Ленинского комсомола.

В 1978 году решением Международного жюри имя писателя включено в Почётный список Андерсена с вручением ему почётного диплома имени великого датского сказочника.

Произведения С. Алексеева переведены более чем на 20 языков народов СССР.

Рисунки Л. Сикорского
Обложка П. Фалина

Алексеев С. П.

A47 Рассказы о Суворове и русских солдатах/Рис. Л. Сикорского.— М.: Дет. лит., 1984.— 128 с., ил.— (Школьная б-ка для нерусск. школ).

В пер.: 35 коп.

Рассказы известного детского писателя С. Алексеева о мужестве русских солдат, о великом русском полководце Александре Васильевиче Суворове.

A 4803010102—332
M101(03)84 213—84

Глава I.

ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ

Суворов с детства мечтал стать военным. Однако он был слабым и болезненным мальчиком. «Ну где же тебе быть военным! — смеялся над ним отец. — Ты и ружья не подымеешь!» Слова отца огорчали Суворова. Он решил закаляться.

Наступят, бывало, зимние холода, все оденутся в тёплые шубы или во все не выйдут из дому, а маленький Суворов накинёт лёгкую куртку и целый день проводит на улице. Наступит весна. Только вскроются реки, ещё никто и не думает купаться, а Суворов — бух в студёную воду. Его не страшили теперь ни жара, ни холод. Мальчик много ходил, хорошо научился ездить верхом. Суворов добился своего. Он окреп и вскоре поступил на военную службу.

Семьдесят лет прожил Суворов. Более пятидесяти из них он провёл в армии. Начал службу простым солдатом. Кончил её фельдмаршалом и генералиссимусом.

Тридцать пять больших боёв и сражений провёл Суворов. В каждом из них он был победителем.

Из рассказов, вошедших в первую главу этой книги, ты и узнаешь о том, как Суворов громил неприятеля, как и почему пришла к нему вечная слава.

ПАКЁТ

За непослушание императору Суворов был отстранён от армии. Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе¹.

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привёз фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора Павла Первого.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

¹ К ли р о с — место для певчих в церкви.

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

— Не мне, — говорит. — Не мне.

— Как — не вам! — поразился посыльный. — Вам. Велено вам в собственные руки.

— Не мне. Не мне, — повторил Суворов. — Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет — всё как полагается: и «графу» и «Александрю Суворову».

— Александр Васильевич! — закричал. — Ваше сиятельство!

— Ну что? — остановился Суворов.

— Пакет...

— Сказано — не мне, — произнес Суворов. — Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привёз от государя императора пакет за пятью печатами.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

— Вот теперь мне, — произнес Суворов и распечатал пакет.

БИТЬ, А НЕ СЧИТАТЬ

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегам «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником.

В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландеберг. Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, исколесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастья и взять Ландеберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднялся он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

— Куда это? — заволновался казачий сотник.

— Вперед! — кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст¹ и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов — моста нет. Сожгли

¹ Верста — русская мера длины, равная 1,06 км.

пруссáки для безопáсности мост. Оградíли себя от неожíданных нападéний.

Постоя́л Суво́ров на берегу́, подумал и вдруг скомáндовал:

— В во́ду! За мной! — и пёрвым бросился в реку́.

Выбрались казаки́ на противополо́жный бе́рег у са́мых стен вра́жеского го́рода.

— Го́род наш! Вперёд! — закрича́л Суво́ров.

— В го́роде же прусские гусáры, — попыта́лся остано́вить Суво́рова каза́чий со́тник.

— Помилуй бог, так э́то и хорошо́! — отве́тил Суво́ров. — Их как раз мы и и́щем.

Поня́л со́тник, что Суво́рова не остано́вишь.

— Алекса́ндр Васи́льевич, — говори́т, — прикажи́те хоть узнáть, мно́го ли их.

— За́чем? — возо́разил Суво́ров. — Мы при́шли би́ть, а не счита́ть.

Казаки́ ворва́лись в го́род и разби́ли протíвника.

ТУРТУКА́Й

Сла́ва Суво́рова нача́лась с Туртука́я.

Суво́ров то́лько неда́вно был произведе́н в генера́лы и сража́лся под нача́лом фельдма́р-

шала князя Румянцева-Задунайского против турок.

Румянцев вёл войну нерешительно. Русская армия топталась на месте. Никаких побед, никаких продвижений.

Не терпелось, не хотелось Суворову сидеть на одном месте.

— Одним глядёньем крепостей не возьмёшь,— возмущался он робостью князя Румянцева.

И вот, не спросясь разрешения, Суворов завязал с неприятелем бой. Отбросил противника, погнал и уже было ворвался в турецкую крепость Туртукай, как пришёл приказ Румянцева повернуть назад.

Суворов подумал: победа рядом, командующий далеко, и ослушался. Ударил в штыки. «Чудо-богатыри, за мной!» И взял Туртукай.

Тут же Суворов написал фельдмаршалу донесение:

«Слава богу, слава вам! Туртукай взят, и я там».

Обидно стало Румянцеву, что молодой генерал одержал победу над турками, а он, фельдмаршал, не может. Да и рапорт в стихах разозлил Румянцева. Решил он отдать Суворова под суд за ослушание и невыполнение приказаний.

Те, кто были поближе к Румянцеву, говорили:

— Прав фельдмаршал. Что же это за армия, если в ней нарушать приказы!

Однако большинство офицеров и солдат защищали Суворова.

— Так приказ приказу рознь,— говорили одни.

— За победу — под суд?! — роптали другие.

— Это из-за стишков фельдмаршал обиделся,— перешёптывались трéтьи.

Слúхи о распрáве над молодým генерáлом дошли и до царíцы Екатерины Вторóй.

Защитíла она́ Суворова.

«Победíтеля не сýдят»,— написáла царíца Румянцеву.

Суворов вернúлся к войска́м и чéрез нéсколько дней одержáл нóвую побéду над тóрками.

СУВОРОВ СТОЯЛ В КИ́НБУРНЕ

С небольшо́м отря́дом казакóв и солда́т Суворов стоя́л в Ки́нбурне.

Ва́жной была́ крéпость. Сле́ва — Чёрное мо́ре. Узкая песча́ная коса́ впередí. Спра́ва — Днепро́вский лимáн. Не допустíть тóрок в Днепро́вский лимáн — зада́ча Суворова.

Пятьдесят шесть турéцких судов подошли́ к Ки́нбурнской косé, откры́ли ого́нь по рúсским.

Окóнчили турéцкие корабли́ обстрéл, ста́ли высáживать отбо́рные войска́ на бе́рег. Боя́лись тóрки Топáл-пашí¹ — так прозвáли онí Суворова. Да́же францу́зских офице́ров призвáли к себе́ на по́мощь.

Бы́вел Суворов навстрéчу врагу́ небольшо́й гарнизо́н своéй крéпости, нача́л нера́вный бой.

Бы́ются рúсские солда́ты не щадя́ живота́ своего́. То тут, то там на конé Суворов.

— Алла́! Алла́! — крича́т тóрки.

— Ура́! Ура́! — не смолка́ют рúсские.

Идёт отча́янный бой, кипíт рукопáшная сéча.

¹ Топáл - пашá — хромо́й нача́льник. У Суворова в это́ время бо́ле́ла нога́, и он прихра́мывал.

В разгáр сражéния картéчь удáрила в грудь Суворóва. Потерял он сознáние, свалился с коня.

— Топáл-пашá убит! Убит! Убит! — пронеслось в турéцких рядах.

Осмелели турки, с нóвой сíлой бросились в битву.

Пóдняли мéжду тем казаки генерáла, промыли рану солёной водóй. Пришёл Суворов в себя.

— Помогло, помилуй бог, помогло!

Увидели солдаты любимого командира — ни шагу назад, ни пяди земли противнику.

Не утихает смертельный бой.

— Ура! Алла! Алла! Ура! — несётся над берегом.

Прошёл час, и снова Суворова ранило. Хотели казаки вынести генерала в тихое место.

— Не смей! — кричал Суворов.

Перехватил он рану рукавом от рубáхи и снова к войскам. Однако от ран генерал обессилел. То и дело теряет Суворов сознание. Окружили его казаки, поддерживают командира в седле.

Привстанет Суворов на стременах, взмахнёт шпáгой, крикнет: «Ура!» — и снова от боли

теряет сознание. Снова придёт в себя, снова «ура», и снова на казацкие плечи вáлятся.

Приказал тогда Суворов казакам придерживать коня на бугре, на высоком месте, — так, чтобы солдаты его видели. Видят солдаты генерала в бою, из последней мóчи держатся.

Устояли казаки и гренадёры. Дождались подмоги. Прибыла конница, ударили русские во всю силу, погна́ли ту́рок и французских офицёров наза́д, к Чёрному мо́рю. Немно́гие добра́лись до своих кораблѣй. А те, что добра́лись, распусти́ли слух, что Суво́ров уби́т в Кинбу́рне. Одна́ко от ран Суво́ров ско́ро опра́вился и ещё не раз о себѣ напо́мнил.

БѢТВА ФОКША́НСКАЯ

С русскими про́тив ту́рок сража́лись австри́йцы. Дела́ у австри́йцев бы́ли нева́жны, и им грози́л разгро́м под Фокша́нами.

Запроси́ли австри́йцы у русских по́мощи. На по́мощь пришѣл Суво́ров.

При́был Суво́ров, остано́вился недале́ко от австри́йского ла́геря. Командующи́й австри́йской а́рмией принц Ко́бургский неме́для присла́л к Суво́рову посы́льного с про́сбой, что́бы русски́й генера́л тут же яви́лся к австри́йцам на во́енный сове́т.

А Суво́ров стра́шно не любѣл во́енных сове́тов, к тому́ же австри́йских. Знал он, что начну́тся спо́ры, колеба́ния, сомне́ния. То́лько вре́мя уйдѣт. А ту́рки тем вре́менем узна́ют о прихо́де Суво́рова.

Прискака́л посы́льный от принца Ко́бургского к русскому ла́герю.

— Суво́ров бо́гу мо́лится,— заяви́ли посы́льному.

Че́рез час при́был но́вый посы́льный.

— Суво́ров у́жинает,— отве́чают ему́.

Проше́л ещё час, и сно́ва при́был посы́льный.

— Суво́ров спит,— обжа́сни́ли австри́йцу.— Наказа́л не трево́жить.

А Суворов вóвсе не спал. Изучáл он позиции неприятеля. Готóвился к бо́ю.

Глубо́кой но́чью принца Кóбургского разбудили. Приёхал курьер от Суворова, привёз письмо́ от ру́сского генерáла.

«Выступаю на ту́рок,— писа́л Суворов.— Иду́ сле́ва, ступа́й спра́ва. Атакуй с чем пришёл, чем бог послáл. Кóнница, начина́й! Руби́, коли́, гони́, отреза́й, не упуска́й, ура́! А коль не придёшь, уда́рю оди́н»,— пригрози́л Суворов.

Переполоши́лся принц Кóбургский. Как же так — без воéнного сове́та, без обсужде́ния и так ско́ро! Одна́ко де́лать не́чего, пришлóсь подчиниться.

Ру́сские и австри́йцы напáли на ту́рок и разгроми́ли протíвника.

Пóсле побéды ко́е-кто́ стал упрека́ть Суворова: нехорошо́, мол, Суворов поступи́л с австри́йцами.

— Нельзя́ бы́ло,— объясня́л Суворов.— Нельзя́ ина́че. Австри́йцы — о́ни поболта́ть лю́бят. Заговори́ли бы меня́ на сове́те. Заспо́рили. Гляди́шь, и би́тва Фокша́нская бы́ла б не на по́ле, а в шта́бе австри́йском.

ВЕЛІКИЙ ВИЗІРЬ

Ни одно́ войско в міре не передвига́лось так бы́стро, как суворовские солда́ты. Непри́тель и не ждёт Суворова, ду́мает — ру́сские далеко́. А Суворов тут как тут. Как снег на́ голову. Подошёл. Уда́рил в штыки́. Опроки́нул проти́вника. Так случи́лось и в знамени́той б́итве при Ры́мнике.

Ры́мник — это ма́ленький городо́к. Рядом с ним собралась о́громная, стоты́сячная турецкая а́рмия.

Командующий турецкой а́рмией вели́кий визі́рь Юсу́ф-паша́ восседа́л у себя́ в шатре́ на шёлковых поду́шках, пил ко́фе.

Хоро́шее настро́ение у вели́кого визі́ря. То́лько что побыва́л у него́ турецкий разведчик: при́был из ру́сского ла́геря. Принёс разведчик хоро́шую весть: суворовская а́рмия в четы́ре ра́за ме́ньше турецкой. Стои́т она́ в восьмидесяти верста́х от Ры́мника и к бо́ю пока́ не гото́ва.

Восседа́л визі́рь на поду́шках, пил ко́фе и составля́л план разгро́ма Суворова. Потом стал мечта́ть о тех награ́дах, кото́рыми осы́плет его́ турецкий госуда́рь за побёду.

С мы́слями о награ́дах вели́кий визі́рь засну́л. И вдруг на рассвёте, сквозь ра́достный сон, Юсу́ф-паша́ услы́шал ди́кие крики:

— Ру́сские! Ру́сские! Ру́сские!

Выскочил визі́рь из пала́тки — в турецком

ла́гере па́ника. Но́сятя туре́цкие офице́ры. Гор-
ла́нят солда́ты. Кря́ки. Шум. Разобра́ться немы́с-
лимо.

— Ка́кие ру́сские?! Отку́да ру́сские? —
кричи́т визи́рь.

А ру́сские уже́ и сле́ва и спра́ва, бьют и в лоб,
и с боко́в, и с ты́ла. Тесня́т растеря́вшихся ту́рок.
«Ура́, ура́!» — то́лько и несётя со всех сто-
ро́н.

— Сто́йте! — кричи́т визи́рь. — Сыны́ алла́-
ха! Сто́йте!

Но ту́рки не слу́шают свое́го нача́льника.
Одоле́л туре́цкую а́рмию вели́кий страх.

Схвати́л тогда́ визи́рь свяще́нную кни́гу —
Ко́ран, — стал заклина́ть тру́сов.

Но и слова́ о бо́ге не помога́ют.

Приказа́л тогда́ визи́рь стреля́ть по туре́цким
солда́там из со́бственных пу́шек.

Но и пу́шки не помога́ют.

Забы́ли солда́ты и визи́ря и алла́ха. Бегу́т
как ста́до бара́нов. «Ама́н!»¹ — вопя́т. — «Ама́н!»
Сбива́ют и да́вят друг дру́га.

— Скоты́! — прошепта́л потре́сенный ви-
зи́рь.

Оста́вил он и Ко́ран и пу́шки, подхвата́л
по́лы парчо́вого свое́го ха-
ла́та и, пока́ не по́здно,
бро́сился вслед за все́ми.

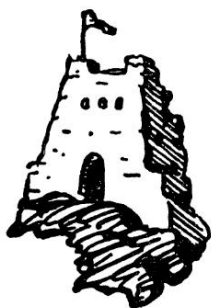
Люби́л Алекса́ндр Ва-
си́льевич стреми́тельные
перехо́ды. Напада́л на не-
прия́теля неожида́нно, об-
ру́шивался как снег на́ го-
лову.

¹ Ама́н — сдаю́сь, пощади́.

ИЗМАЙЛ

Неприступной считалась турецкая крепость Измайл. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и двести пушек. А кроме того, шёл вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть вёрст.

Не могли русские генералы взять турецкую крепость. И вот прошёл слух: под Измайл едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

А дело глубокой осенью было.

— Отступать надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры»! — передразнил Суворов. — «Домой»! Нет, — сказал. — Для русского солдата дорога домой через Измайл идёт. Нет российскому солдату дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шёл вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днём солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отста́вить! Него́же, как ста́до бара́нов, б́егать. Дава́й сно́ва.

Так и бе́гают солда́ты то к ва́лу, то наза́д. А пото́м, когда́ научи́лись подходи́ть врассыпну́ю, Суво́ров стал пока́зывать, как на вал взби́раться.

— Тут,— говори́т,— ле́зьте все ра́зом, берите число́м, взлета́йте на вал в оди́н моме́нт.

Неско́лько дней Суво́ров занима́лся с солда́тами, а пото́м посла́л к туре́цкому генера́лу послóв — предлож́ил, что́бы ту́рки сдали́сь. Но генера́л го́рдо отве́тил:

— Ра́ньше не́бо упаде́т в Дуна́й, чем ру́сские возьму́т Изма́йл.

Тогда́ Суво́ров отда́л прика́з нача́ть штурм кре́пости.

Повтори́ли солда́ты всё, чему́ учи́л их Суво́ров: перешли́ ров, подня́лись на крепостно́й вал, по штурмовы́м ле́стницам поползли́ на сте́ны.

Ли́хо би́лись ту́рки, то́лько не удержи́али о́ни ру́сских солда́т. Ворвали́сь суво́ровские войска́ в Изма́йл, захвати́ли в плен всю туре́цкую а́рмию.

Лишь оди́н ту́рок невре́димым уше́л из кре́пости. Дрожа́щий от стра́ха, он прибежа́л в туре́цкую столи́цу и рассказа́л о но́вом по́двиге ру́сских солда́т и но́вой побе́де генера́ла Суво́рова.

МІШКА

Не везло Суворову на лошадей. Одною неприятельское ядро оторвало голову. Вторую ранило в шею, и её пришлось пристрелить. Третья лошадь оказалась просто-напросто глухой.

Но вот донские казаки подарили Суворову Мишку. Глянул фельдмаршал: уши торчком, землю скребёт копытом. Не конь, а огонь.

Подошёл Суворов слева, подошёл справа. И Мишка повёл головой то в одну, то в другую сторону, как бы присматриваясь, достойным ли будет седок. Понравился Суворову Мишка. И Мишке, видно, Суворов пришёлся по вкусу. Сдружились они и понимали друг друга без слов.

Хорошее настроение у Суворова — и у Мишки хорошее, играет, мчит во весь опор. Огорчён, опечален Суворов — и Мишка насупится, шагом идёт, медленно и осторожно, чтобы лишний раз хозяина не потревожить.

Лихим оказался Мишка в бою. Ни ядер, ни пуль, ни кривых турецких сабель — ничего не боялся. У Рымника на Мишке Суворов громил Юсуф-пашу. На нём приехал под Измайл.

Но и у лошади жизнь солдатская. В одном из сражений Мишку ранило в ногу. Конь захромал и к дальнейшей службе оказался негоден.

Суворов бранился, кричал на докторов и коновалов, требовал, чтобы те излечили Мишку. Коню делали припарки, извлекли пулю, наложили ремённый жгут. Не помогло. От хромоты конь не избавился.

Пришлось Суворову расстаться с верным товарищем. Простился фельдмаршал с конём, приказал отправить его к себе в имение, в село Кончанское. Старосте написал, что конь «за вер-

ную службу переведён в отставку и посажен на пенсию», и наказал, чтобы Мйшку хорошо кормили, чистили и выводили гулять.

Староста каждый месяц должен был писать Суворову письма и сообщать, как живётся в «отставке» Мйшке.

Фельдмаршал часто вспоминал лихого донца. И после Мйшки у Суворова бывало немало коней, да лучше Мйшки всё-таки не было.

ДЁРЗОСТЬ

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото.

Позиция для пушек — лучше не сыщешь; сзади неприятель не подойдёт, с флангов не обойдёт. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и, как гром среди ясного неба — на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли манёвр Суворова за рискованный, дерзкий. Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли б?!

— Дерзкий так дерзкий, — усмехался Суворов. — Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что, прежде чем

пустить войска́ чéрез болóта, Суворóв отряди́л быва́лых солда́т, а те вдоль и поперёк изла́зили то́пи и выбра́ли надёжный путь для своих товарищей. Суворóв берёг солда́т и де́йствовал на́верняка́.

Ме́сяц спустя́ в но́вом бою́ с ту́рками полко́вник Илло́ва́йский реши́л повто́рить де́рзкий ма́нёвр Суво́рова.

Обста́новка бы́ла́ схо́жей: то́же турецкие пу́шки и то́же болóто.

— Суворóву повезло́,— говори́л Илло́ва́йский.— А я что, ху́же? И мне повезёт.

То́лько Илло́ва́йскому не повезло́. Повёл полко́вник солда́т, не зна́я доро́ги. Завя́зли солда́ты в болóте. Ста́ли тону́ть. Подня́лся шум, кри́ки.

По́няли ту́рки, в чём де́ло. Разверну́ли свои пу́шки и расстре́ляли ру́сских солда́т. Мнóго солда́т поги́бло. Илло́ва́йский, одна́ко, спа́сся.

Суворóв разгне́вался стра́шно. Крича́л и руга́лся до хрипоты́.

— Так я же хоте́л, как вы, что́бы де́рзость бы́ла,— опра́вдывался Илло́ва́йский.

— Де́рзость! — крича́л Суворóв.— Де́рзость есть, а где же уме́ние?!

За напрáсную гибель солдат Суворов разжáловал полковника в рядовые и отпáвил в обóзную команду.

— Емú людéй доверять нельзя,— говорил Суворов.— При лошадях он безопаснее.

УБІТ ПОД ФОКШАНАМИ

На переходе к Фокшанам одна из колонн гренадёрского Смоленского полка попáла под страшный обстрёл неприятеля.

Турецкая батарея укрылась в лесу и метким огнём валила смоленцев. А рядом шла другая колонна. Командир колонны подполковник Ковшóв пóнял, что спасти своих можно лишь стремительным нападенíем на батарею противника. Подскакал он к генералу Райку, начальнику обеих колонн.

— Разрешите,— просит,— ударить на неприятеля.

Однако Райк был генерал нерешительный. Сидит на коне и молчит. Думает: разрешу, а вдруг и вторая колонна погибнет.

Погибают смоленцы. Помощи нет.

А в это время обе колонны догна́л Суворов. Увидел он подполковника Ковшóва.

— Сударь, товарищи гибнут, а вы стойте! Вперёд! — закричал Суворов.

— Ваше сиятельство,— стал оправдываться подполковник,— так я бы немедля исполнил свой долг, но жду приказанія своего генерала.

Посмотрёл Суворов на генерала, а тот по-прежнему сидит на конё и молчит.

— Какóго генерала?! — воскликнул Суворов.— Райка? Да разве вы не видите, что он убит!

Не понял вначале Ковшов насмешки Суворова. Как так, думает, почему же убит, коль генерал Райк жив и здоров и тут же рядом сидит на конё!

— Убит. Убит,— повторил Суворов.— Ступайте!

Бросился Ковшов к своей колонне, повернул её в лес, разгромил турецкую батарею и спас товарищей.

За суворовские слова Райк страшно обиделся. В тот же день он подал рапорт об отчислении его из суворовской армии.

Про́сьбу Райка Суворов удовлетворил.

— Не надобны мне подобные генералы,— говорил он.— Коль воинский начальник в нерешительности пребывает — пользы с него не будет.

Позже, когда Суворова спрашивали:

— А где же генерал Райк?

Он неизменно отвечал:

— Убит. Убит под Фокшанами.

ГДЕ Ж ЭТО ВИДАНО...

Где ж это видано, чтобы кавалерия атаковала окопы!

При подходе к Рымнику на привале солдаты завели спор.

— А всё же много нашего брата гибнет,— заявил круглолицый, с рябинками от оспы солдат.

— Так война, как же оно́ без смертѣй.

— Та́к-то оно́ так,— соглаша́лся солда́т,— а всё же, е́сли поду́мать...

— Чего́ же тут ду́мать?

— А вот, к приме́ру: засе́л неприятель в око́пах, пока́ до него́ добежи́шь, ско́лько люде́й нава́лит. А е́жели на коня́х — раз, и в моме́нт в око́пах.

Смею́тся солда́ты. Где ж э́то ви́дано, чтоб на коня́х — и в око́пы.

— Ты что же, умне́е само́го Суво́рова? — говоря́т.

— За́чем же умне́е? Э́то я так, к сло́ву,— засму́щался солда́т.

А в э́то вре́мя Суво́ров проходи́л по ла́герю и подслу́шал солда́тский разгово́р. Подоше́л он к спо́рщикам.

— Как звать? — обрати́лся к рябо́му солда́ту.

— Оста́п Капелю́ха.

— Ро́дом отку́да?

— Малоросси́йский, ва́ше сия́тельство, из-под Черни́гова.

— Так, говоря́шь, что́бы кавале́рия атако-ва́ла око́пы?

— Так то́чно, ва́ше сия́тельство.

Суво́ров уше́л.

На сле́дующий день при ата́ке турецко́го ла́геря Смоле́нский полк нато́лкну́лся на око́пы проти́вника. Пошли́ солда́ты в ата́ку, одна́ко ту́рки по́дняли стра́шную стрельбу́, и смоле́нцы отпра́гнули.

Неско́лько раз ходи́ли в ата́ку солда́ты, да всё неу́да́чно. Хотя́ и недале́ко до око́пов, ме́тров всего́ полтора́ста, одна́ко иди́ти солда́там по

рównому мѣсту. Пока бегут — турки их щёлкают, словно зайцев.

К Смоленскому полку прибыл Суворов. Видит — зазря погибают солдаты. Тут-то и вспомнил Суворов слова Капелюхи.

— Гей! — закричал. — Эскадрон казаков на подмогу!

Прибыли казаки. Построил их Суворов широким фронтом.

— Конница, начинай! — закричал Суворов. — Ура! На рысях! Вперёд! В полную силу!

Вмиг пролетели казаки смертельные метры. Вскочили в окопы. Начали сечу, отвлекли турецких солдат. Теперь смоленцы подбежали к окопам без всяких потерь и вместе с казаками добились противника.

— Ты смотри — голова! — говорили потом солдаты про Капелюху.

Солдат смущался, краснел и отвечал невпопад:

— Так это ж Суворов. Так то ж казачки. Так это ж не я. Это вы, братьцы.

ТУРЕЦКИЙ ШТАНДАРТ

Стремясь отрезать отходящего неприятеля, рота поручика Вицина быстрым шагом шла по кукурузному полю.

Стебли высокие. Укрывают солдат с головой. Идут солдаты словно бы вовсе не полем, а лесом.

Вдруг видят: впереди — турецкий штандарт.

Остановился поручик Вичин, остановились солдаты. Что бы это такое? Никак турки идут в наступление?

А штандарт колышется повёрх кукурúзных стеблей и всё бلىже и бلىже.

— К бою! — скомандовал Вйцин.

Вскинули солдаты ружья и карабины. Ждут. Вот турецкий штандарт и совсём рядом.

— Вперёд! Ура! — закричал поручик.

Бросились солдаты вперёд. А навстрéчу им русский солдат выходит — турецкое знамя в руках.

Рассмеялись солдаты:

— Штандарт откуда?

— Как звать?

— Какóго полка?

Рассказал солдат, что звать его Гаврилом Жакёткой, что солдат он пёрвой роты Смолénского полка, а турецкое знамя отбил в бою и вот теперь несёт командíру.

— Ай да Жакётка, — смеются солдаты. — Вот напугал! Вот обманул!

Объяснил поручик Вйцин солдату, как разыскать командíра Смолénского полка. Пошёл солдат дальше своей доро́гой. А рота убыстрила шаг — и вдогон неприятелю.

Сто турецких знамён захватили русские в бйтке при Рымнике. Штандарт, взятый Гаврилом Жакёткой, был пёрвым.

РОССИЙСКИЙ СОЛДАТ

Преслédую турок, гренадёр Дындин увлётся боем.

Бежит Дындин, колет штыком, бьёт прикладом.

— Амáн, амáн! — кричат турки.

Отбежали с верстóу. Повернул кто-то из

турецких солдат голову, видит — всего-навсего один российский солдат сзѣди.

Закричал турок своим собратѣям. Остановились беглецы, повернулись лицом к Дындину, окружили солдата.

— Аллѣ! — кричат. — Аллѣ! Сдавайся!

Только Дындин был не из тех, кто сдаётся. Пырнул штыком одного турка, пырнул второго, выстрелил в третьего.

Что было дальше, солдат не помнил. Навалились турки на русского, приглушили прикладами. Очнулся Дындин в водѣ. Прихватив пленного, турки вплавь переправлялись через реку Рымник. Обмыла вода солдата, приоткрыл он глаза — жив. Только всё тело жжёт, в костях ломит, голова кругом. Закрыл солдат снова глаза, уронил голову.

Выбрались турки на противоположный берег, положили на траву гренадера, советуются.

Прислушался Дындин и хоть турецкий язык не знал, но понял: решили турки пленного дальше с собой не тащить, а отрезать солдатскую голову и принести как трофѣй начальству.

Подожёл турок к Дындину, схватил кривую турецкую саблю и только хотѣл рубануть по шее, как Дындин турка ногой в живот. Вскочил гренадер, вырвал ружьѣ.

Опѣшили турки. Что за чудо — ожил солдат, и в разные стороны.

— Стой! — кричит Дындин.

Догнал одного турка — ударил штыком. Догнал второго — и тоже штыком. Ещё один турок бросился в воду. И Дындин за ним. Потом снова на берег. Бѣёт направо, налево. Лишь закусил губу и от турецких ран и побоев кривится.

Через час подошли наши солдаты. Смотрят —

на берегу реки Рымник десять турок валяются и среди них российский солдат. Присмотрелись — так это же Дындин!

— Дындин, Дындин! — позвали товарища. Шевельнулся герой.

— Жив, жив! — закричали солдаты.

Подняли они гренадера на руки, отправили к санитарной повозке.

— Десять турок! — восхищался Суворов, узнав о подвиге Дындина. — Молодец! Ой какой молодец! Мало нам, выходит, один на одного — давай нам троих, троих мало — давай нам шесть, давай нам десять на одного: всех побьем, поведем, в плен возьмем — коль такой солдат в российских войсках имеется.

ПЕРВЫЙ

Вечером после победы под Рымником Суворов шёл по русскому лагерю.

Смотрит — у одной из палаток собрались офицеры, шумят, спорят, кто первым ворвался в турецкий лагерь.

Остановился Суворов, прислушался.

— Я первым ворвался, — говорит поручик Синицкий.

— Нет, я, — уверяет капитан Мордюков.

— Первым был я, — доказывает секунд-майор граф Калачинский.

Спорят офицеры, не уступают друг другу. Знают, что первому будет награда.

Покачал головой Суворов, двинулся дальше. Смотрит — у костра собрались солдаты и тоже о том же спорят.

Остановился Суворов, прислушался.

— Первым ворвался в турецкий лагерь

гренадёр Гагин,— говорит один из солдат.

— Не Гагин, а Хётин,— поправляет его второй.

— И не Гагин, и не Хётин, а Знамов,— уверяет третий.

Решили солдаты вызвать и Гагина, и Хётина, и Знамова — пусть скажут сами.

Заинтересовался Суворов. Решил подождать. Приходят солдаты.

— Ты был первым? — спрашивают товарищи у Гагина.

— Нет,— отвечает Гагин.— Первым был Хётин.

— Ты был первым? — спрашивают у Хётина.

— Нет, не я,— отвечает Хётин.— Первым был Знамов.

— Братцы, — воскликнул Знамов,— так я же и третьим не был! Первым был Гагин. За Гагиным — Хётин.

Порядовался Суворов солдатской скромности, подошёл он к гренадёрам.

— Дети! Чудо-богатыри! Все вы были первыми. Все вы герои!

Потом Суворов вернулся к офицерской палатке. А там дело чуть не до драки. Офицеры по-прежнему спорят, друг другу первенство не уступают.

Разозлился Суворов.

— Марш спать! — прикрикнул на офицеров.— Никто из вас первым не был. Нет среди вас истинного героя.

МЕДАЛЬ

Молодой, необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю вместе со всеми и ждал, чтобы скорее всё это кончилось. Совесть было солдату.

И вдруг... Шапкин вздрогнул, решил, что слышался.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — закричал Суворов.

Стоит солдат, словно в землю ногами вкопанный, не шелохнется.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — повторил Суворов.

— Ступай же, ступай, — подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов раз — и медаль ему на рубашу.

Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды. Капелюхе за то, что придумал, как отбить у турок окопы. Жакетке — за турецкий штандарт. Дындину — за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался. Получили медали и Гагин, и Хотин, и Знамов.

— Ну, а тебе за что же медаль? — спрашивают солдаты у Шапкина.

А томú и отвѣтить нѣчего.

Нóсит Шáпкин медáль, да тóлько покóя себѣ не нахóдит. Подáвлен. Товáрищей сторóнится. Цѣлыми днями молчít.

— Тебѣ что же, медáль языкъ придавила?! — шúтят солдáты.

Прошлá недѣля, и совсѣм изглодалá сóвесть солдáта. Не вýдержал Шáпкин, пошѣл к Сувóрову. Вхóдит в палáтку и возвращáет медáль.

— Помíлуй бог! — воскликнул Сувóров.— Нагрáду назáд!

Опустíл Шáпкин гóлову нízко-нízко, к сáмому пóлу, и во всѣм признáлся Сувóрову.

«Ну,— дúмает,— пропадáй моя головá».

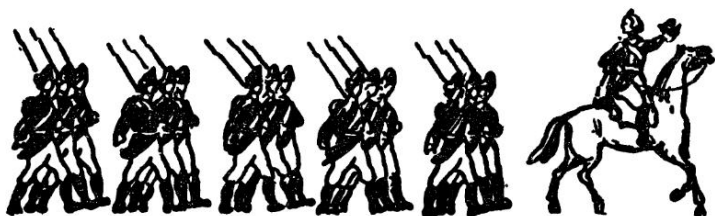
Рассмеялся Сувóров, óбнял солдáта.

— Молодѣц! — произнѣс.— Знáю, брáтец, без тебá всѣ знáю. Хотѣл испытáть. Дóбрый солдáт. Дóбрый солдáт. Пáмьтуй: герóем не рождáются, герóем станóвятся. Ступáй. А ме-дáль, лáдно, пусть полежít у меня. Тóлько, чур, медáль твоя. Тебѣ заслужít. Тебѣ и носítь.

Не ошíбся Сувóров.

В слѣдующем бою Шáпкин пѣрвым ворвáлся в турѣцкую крѣпость, заслужíл и медáль и велíкую слáву.

ПЕРЕХОД

Двѣжется суворовская армія, совершает стремительный переход. День, второй, третий... десятый. Каждый день — шестьдесят верст. То ли солнце палит, то ли грязь, непогода — идут колонны одна за другой, совершают дальний поход.

Измучались солдаты в пути. Пообтрепались башмаки на дорогах. Гудят от волдырей и усталости ноги. Изнемогли солдаты. Нет солдатских сил идти дальше. А идти надо. Нельзя не идти.

Догоняет Суворов заднюю из колонн. Делает вид, что не замечает солдатской усталости.

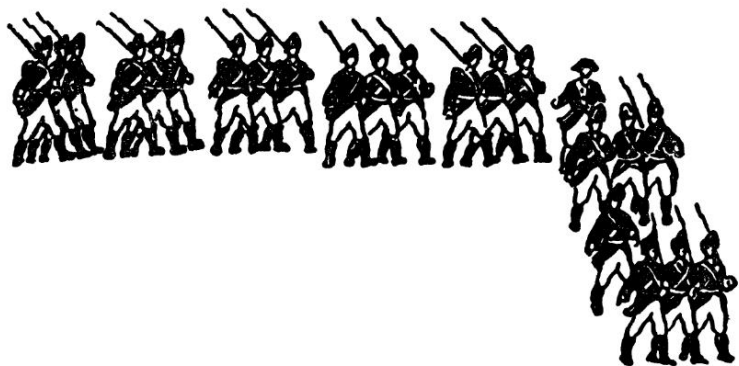
— Богатыри! Ребята! — кричит Суворов. — Орлы! — Да за вами и конному не угнаться! Так, верно, молодцы — шире шаг: отдайте передним пятки!

Догоняет Суворов среднюю из колонн:

— Богатыри! Братцы! Неприятель от вас дрожит. Вперед! Вперед! Нога ногу подкрепляет — раз, два, левой, левой... Рука руку усиляет — раз, два, левой, левой! Шибче! Шибче! Задние пятки отдавят!

Догоняет Суворов первую из колонн:

— Дети! Орлы! Неприятель без вас сучает. Вперед! Вперед! Теснее ряд, выше голову, грудь

навѣкат! Ух, махнѣ, головѣй тряхнѣ, удалѣ солдатскую покажѣ! Барабаны! Мѣзыка! Пѣсни!

Затрубили трубачѣ и горнѣсты, ударили барабаны, разнеслась над войсками пѣсня. Повеселѣли, подтянулись солдаты. Сбилась от чѣткого солдатского шага дорожная пыль столбом.

Едет впередѣ своихъ войскъ Суворовъ — доволен. Не остановилась русская армія — движется. Забыли солдаты про ссадины на ногахъ и усталость. Идутъ колонны одна за другою, совершаютъ стремительный переходъ.

СПОР

Какъ-то между солдатами начался спор — правъ или неправъ Суворовъ, утомляя войска быстрыми переходами. Спор вели капрал Пѣнкин и рядовой Кривокорытовъ.

— А что, — говорилъ Пѣнкин, — правъ Суворовъ. В быстротѣ вся сила. Быстротѣ и натискъ решаютъ дѣло.

— Такъ-то онѣ так, — соглашался Кривокорытовъ. Но тут же начиналъ свое: — Такъ ведь солдатамъ трудно въ походѣ. И сила людская на это уходитъ, да и въ пути отстаютъ многіе.

— Мало что отстают, — возражал Пénкин. — Пусть лучше дéсять отста́нут, зато́ сто победя́т.

— Ишь ты — дéсять отста́нут! — не унимáлся Кривокоры́тов. — А мо́жет, э́ти дéсять са́мые сме́лые.

— Сме́лые! — усмехну́лся капрáл. — Кто же э́то тебе́ сказа́л, чтоб сме́лые — и вдруг позади́!

И дру́гие солда́ты поддержа́ли капрáла:

— Прав Суво́ров: лу́чше уста́ть, но победить!

— Ну, как хоте́те, — сда́лся Кривокоры́тов. — А мне торопи́ться не́куда. Мне моё здоро́вье ва́жнее.

И действительно, на всех ма́ршах солда́т отставáл. Армия уже́ и зако́нчила перехо́д, и вошла́ в де́ло, а бывáло, и разби́ла проти́вника, а Кривокоры́тов и дру́гие вро́де него́ ещё́ где-то в пути́, обо́зными кля́чами та́щатся.

— Эх, несдоброва́ть тебе́, Кривокоры́тов! — не раз говори́л Пénкин солда́ту. — Помяни́: отста́ющего бьют.

Так оно́ и случи́лось.

Привёл Суво́ров ру́сские полки́ стремительным ма́ршем к Ры́мнику, к ла́герю Юсу́ф-пашы́. Прошли́ солда́ты еди́ным ма́хом во́семьдесят вёрст, разгроми́ли туре́цкую а́рмию.

Ко́нчился бой. Ста́ли товари́щи разы́скивать Кривокоры́това. Нет солда́та.

Приня́лись ждать. Ждут день, ждут два — не приходи́т солда́т.

На тре́тий день Кривокоры́тов нашёлся. Поленился, отста́л, отби́лся солда́т в пути́, наско́чил на туре́цкий разъе́зд и был на́смерть вра́гами изру́блен.

Похоро́нили солда́ты товари́ща, перекрести́лись. Эхма́, ни за что́ ни про́ что́, че́рез глупо́сть свою́, сложи́л гренаде́р неразу́мную го́лову!

ПАЛОЧКИ

Рядовой Пень в боях первым вперед не рвался. Зато после взятия городов был великий охотник до разной добычи.

Начнут солдаты стыдить товарища.

— А что,— отвечал Пень,— кровь проливаю, себя не жалёю. Так уж и взять ничего нельзя!

Вступили суворовские войска в Римник. Ехал Суворов по кривым, узким улочкам турецкого города, видит — выскакивает из ворот соседнего дома солдат, гусь под мышкой.

— Эй, молодец,— окликнул Суворов,— сюда! Подбежал Пень.

— Откуда гусак?!

Замялся Пень. Однако солдат был неглуп. Нашёлся:

— Так хозяйка дала, ваше сиятельство. На, говорит, служивый.

— Так и дала? — усмехнулся Суворов.

— Дала, дала и ещё приходит велела.

Только сказал, а в это время из турецкого дома выбегает старая турчанка. Видать, поняла бабьим чутьём, что воинский начальник солдата ругает, осмелела, подбежала к нему и давай вырывать гуся.

Отдал солдат гусака. Убежала турчанка.

— Значит, сама дала и ещё приходит велела! — обозлился Суворов.

— Так то не она, другая дала,— стал выкручиваться Пень.— Молодая.

— Ах, молодая! — воскликнул Суворов.

Только воскликнул, а из дома как раз выбегает молодая турчанка и тоже к солдату. Подскочила, затараторила что-то на своём языке, руками машет и причитает.

Сувóров турецкий язы́к знал, по́нял, что турча́нка говори́т о шёлковой ша́ли. Протяну́л он ру́ку к солда́тской па́зухе — вы́ташил шаль.

Поту́пил Пень глаза́, по́нял, что быть распла́те. Крикнул Сувóров солда́т, приказáл взять мародёра под стра́жу.

Вéчером пе́ред во́инским стро́ем вино́вного разложи́ли на ла́вке и ста́ли всыпа́ть шомполáми.

Вреза́ют солда́ты воры́шке, а Сувóров стои́т ря́дом, приговáривает:

— Жи́теля не обижа́й — он тебя́ ко́рмит, не обижа́й — он тебя́ по́ит. Так ему́. Так ему́. Ещё, ещё! — кома́ндует Сувóров. — Пусть хоть па́лочки дурь вы́бьют. Па́лочки то́же на по́льзу, ко́ль солда́т нечи́ст на́ руку. Солда́т — защи́тник жи́теля. Солда́т не разбо́йник!

СУП И КА́ША

Сувóровская а́рмия соверша́ла стремите́льный перехо́д. остано́вились войска́ ночевáть в лесу́ на косо́горе, у са́мой ре́чки.

Разложи́ли солда́ты похóдные костры́, ста́ли варить суп и ка́шу.

Свари́ли, приня́лись есть. А генера́лы толпáтся о́коло сво́их пала́ток, ждут Лу́шку. Лу́шка — генера́льский по́вар. Отста́л Лу́шка где́-то в пу́ти, вот и то́мятся генера́лы, сидят не́кормлены.

— Что же де́лать? — говори́т Сувóров. — Пошли́ к солда́тским костра́м, господа́ генера́лы.

— Да нет уж, — отвеча́ют генера́лы, — мы подождём. Вот-во́т Лу́шка прие́дет.

Знал Сувóров, что генера́лам солда́тская пи́ща не по нутру́. Спо́рить не стал.

— Ну, как хоте́те.

А сам к ближай́шим костра́м на огонёк.

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку.

Уселся Суворов, принялся есть. К солдатской пище фельдмаршал приучен. Ни супом, ни кашей не брезгует. Ест, наедается всласть.

— Ай да суп, славный суп! — нахваливает Суворов.

Улыбаются солдаты. Знают, что фельдмаршала на супе не проведешь: значит, и вправду суп хороший сварили.

Поел Суворов суп, взялся за кашу.

— Хороша каша, добрая каша!

Наелся Суворов, поблагодарил солдат, вернулся к своим генералам. Улегся фельдмаршал спать, уснул богатырским сном. А гене-

ра́лам не спíтся. Ворóчаются с бо́ку на́ бок. От го́лода му́чаются. Ждут Лу́шку.

К утру́ Лу́шка не при́был.

Подня́л Суво́ров войска́, двину́лась а́рмия в дальне́йший похóд. Едут генерáлы пону́рые, в животáх бурчít — есть хóчется. Промуча́лись, бе́дные, до но́вого привáла. А когдá войска́ остано́вились, так срáзу же за Суво́ровым к солда́тским костра́м: не помира́ть же от го́лода. Рассе́лись, ждут не дожду́тся, когдá же солда́тская пи́ща сва́рится.

Усмехну́лся Суво́ров. Сам приня́лся раздава́ть генерáлам суп и ка́шу. Ка́ждому даёт, ка́ждому выговáривает:

— Ешь, ешь, получа́й. Да впредь не брезгу́й солда́тским. Не брезгу́й солда́тским. Солда́т — челове́к. Солда́т мне себя́ доро́же.

РОДИТЕЛЬСКАЯ ШИНЕЛЬ

В насле́дство от отца́ Суво́рову доста́лась шине́ль. Была́ она́ ста́рая, потёртая, места́ми ла́таная. Но Суво́ров горди́лся родите́льской шине́лью. Брал её с собо́ю во все похóды и, как наступáли холода́, никако́й друго́й оде́жды не признава́л.

И вот суво́ровская шине́ль попа́ла в ру́ки противника. Де́ло было́ ле́том. Храни́лась шине́ль

в армейском обóзе. Как-то на обóз налетёл турецкий разъезд, перебил охрану и увёз её вместе с другими вещами.

Фельдмáршал опечáлился страшно. Мёста себе не находил. Осунулся. Лишился дóброго аппетита.

— Да мы вам, вáше сиятельство,— успокаивали его армейские интендáнты,— нóвую шинель сошьём. Лúчшую.

— Нет, нет,— отвечáл Суворов.— Не видáть мне подобной шинели. Нет ей цены. Нет ей замéны.

О пропáже суворовской шинели узнали и солдáты Фанагорийского полкá. Договорились они во чтó бы то ни стáло вернуть от тóрок фельдмáршальскую шинель.

Во главé с порúчиком Трóицким и капрáлом Ивáном Кнйгой солдáты пошли в развёдку. Но неудáчно: шинели не нашли. Затó взяли в плен тóрка. Стáли допытывать, но тот про шинель ничегó не знал.

На слéдующий день снóва ходили в развёдку,

сно́ва взя́ли ту́рка, но и э́тот ту́рок но́вого ниче́го не сказа́л.

Две неде́ли солда́ты упо́рно ходи́ли в развѣдку. Излови́ли за э́то вре́мя шесть турецких солда́т, и лишь седьмо́й оказа́лся из тех, что принима́ли уча́стие в наско́ке на ру́сский обо́з.

Пле́нник до́лго не мог вспо́мнить, была́ ли шине́ль и что с ней ста́ло. Наконе́ц вспо́мнил, что достала́сь она́ при деле́жѣ захваченного иму́щества ста́рому ту́рку, по ѓмени Осма́н.

— А где он? Жив тот Осма́н? — заволнова́лись солда́ты.

Осма́н оказа́лся жив. То́лько вот зада́ча — пойдѣ излови́ Осма́на.

Тогда́ пору́чик Тро́ицкий реши́л отпу́стить пле́нного ту́рка и наказа́л: е́сли тот принесѣт суворо́вскую шине́ль, то и остальные шесть бу́дут отпу́щены.

На сле́дующий день ту́рок верну́лся, принёс шине́ль.

Узна́л Суворов, как попала́ к ру́сским шине́ль, стра́шно разгне́вался.

— Людьми́ рискова́ть! Из-за шинелишки солда́тские го́ловы под турецкие пу́ли! — крича́л он на пору́чика Тро́ицкого.

Смутѣлся пору́чик.

— Так онѣ, ва́ше сия́тельство, са́ми.

— «Са́ми!» — пробурча́л Суворов, одна́ко уже́ не так стро́го.

Пото́м взял шине́ль в ру́ки, гляну́л на потѣртые по́лы, на зала́танный борт и вдруг запла́кал.

— Чего́ э́то наш фельдма́ршал? — спра́шивали не зна́вшие, в чём де́ло, солда́ты.

— Шине́ль,— отвеча́л Ива́н Кни́га.

— Ну так что?

— Родительская, — с нежностью пояснял капрал.

ЗАМАНИВАЙ!

Войска Суворова сражались в Италии. На реке Трэббии разгорелась кровопролитная битва с французами. Суворов внимательно следил за ходом сражения. Сидел верхом на казацкой лошади, без мундира, в белой рубаше, со шпáгой в руке. В самый разгáр битвы, один из русских полков не выдержал напора французов. Солдаты дрогнули, отступили, побежали. Вместе со всеми бежал и молодой солдат Еромолай Шокин.

«Ну, погíбель пришлá!» — думал солдат и шептал про себя молитву.

Заметив замешательство русских, Суворов бросился к отступающему полку. Подлетел на разгоряченном коне, закричал:

— Заманивай! Шибче! Так, правильно! Заманивай! Бегом!

Бежит Шокин, думает: «Как же понять? Какое же здесь заманивание, раз полк отступает?»

А Суворов опять:

— Шибче! Шибче! Заманивай!

Пробежали метров двести. Вдруг Суворов осадил коня. Привстал на стремянах. Взмахнул над головой шпáгой.

— Стой! — закричал. — Хватит!

Беглецы остановились. Остановился и Еромолай.

— Чудо-богатыри!.. Дети!.. Назад!.. — закричал фельдмаршал. — В штыки!.. Ура!.. С нами бог! Вперёд!..

Поверну́лись солда́ты лицом к неприятелю. Удари́ли в штыки́.

— Вперёд! — не умолкает Суворов. — Богатыри́! Неприятель от вас дрожи́т! — И первым лети́т на французов.

Смяли, разби́ли солда́ты проти́вника.

Бежа́л Шокин, би́лся штыком, ду́мал: «Ой лóвко, ой как лóвко Суворов всё де́ло поверну́л! И ви́ду про отступле́ние не по́дал. И не руга́л».

И други́е солда́ты про то же ду́мают. Бьются, не жале́я себя́, искупа́ют мину́тную тру́сость.

А Суворов уже́ был дале́ко от э́тих мест, ястребом сиде́л на коне́ и снова́ зорко сле́дил, всё ли вездé в порядке.

Три дня дли́лась би́тва на реке́ Тре́ббии. Побе́да была́ суворовской — по́лно́й.

МОСТЫ́

Францу́зская а́рмия отходи́ла без бо́я. Выбира́ли францу́зские генера́лы удо́бное для себя́ ме́сто — тако́е, что́бы наверняка́ разгроми́ть Суворова. Отступи́ли о́ни к реке́ Адде. Перешли́ на ту сто́рону. Сожгли́ за собо́ю мосты́. «Вот тут, — реши́ли, — при перепра́ве, мы и уни́чтожим Суворова».

А для того́ что́бы Суворов их план не по́нял, сде́лали францу́зские генера́лы ви́д, что отхо́дят да́льше. Весь день отступи́али в сто́рону от реки́, а зате́м верну́лись наза́д и спря́тали свои́х солда́т в ку́стах и овра́гах.

Вы́шел Суворов к реке́. Останови́лся. Приказа́л наводи́ть мосты́. Засучи́ли солда́ты рукава́. Топоры́ в ру́ки. Закипе́ла рабо́та. Моста́ два, о́дин недале́ко от друго́го. Соревну́ются солда́ты

мѣжду собой. На каждом мосту норовят упраться первыми.

Наблюдает французские дозорные за рекой. Через каждый час доносят своим генералам, как у русских идёт работа.

Довольны французские генералы. Всё идёт точно по плану. Потирают от радости руки. Ну, попался Суворов!

Хитрыми были французы. Однако Суворов оказался хитрее.

Когда мосты были почти готовы, снял он вдруг среди ночи свою армию и двинул вниз по берегу Адды.

— А мосты, ваше сиятельство? — забеспокоились сапёрные офицеры.

— Молчок, — приложил палец к губам Суворов. — Мосты строить. Шибче стучать топорами.

Стучат топоры над рекой, а фельдмаршал тем временем отвёл свою армию вниз по её течению и переправил вброд, без всяких мостов на вражеский берег.

Спокойны французские генералы. Знают: мосты не готовы. Успокаивает французов топорный стук над рекой. Не волнуются генералы.

И вдруг... Со спины, с тыла, явился Суворов. Ударил в штыки.

— Ура! Чудо-богатыри, за мной!..

Поняли генералы, в чём дело, да поздно. Не ожидали русских французы. Дрогнули и побежали. Только офицеров одних более двухсот попало в руки к Суворову.

Мосты всё же достроили. Как же быть без мостов, раз в армии не только чудо-солдаты, но и обозы и артиллерия.

ВПЕРЕДИ И ПОЗАДИ

В ночь перед штурмом Турина Суворов в сопровождении двух офицеров, майора Пронина и капитана Забелина, выехал на разведку. Хотел фельдмаршал сам осмотреть подступы к городу, а офицерам наказал взять бумагу и срисовывать план местности.

Ночь тихая, светлая, луна и звёзды. Места красивые: мелкие перелёски, высокие тополя.

Едет Суворов, любитесь.

Подъехали они почти к самому городу, остановились на бугорочке.

Слезли офицеры с коней. Взяли в руки бумагу. Майор Пронин — смельчак — всё поближе к городу ходит. А капитан Забелин наоборот — за спиной у Суворова.

Прошло минут двадцать, и вдруг началась страшная канонада. То ли французы заметили русских, то ли просто решили обстрелять дорогу, только ложатся неприятельские ядра у самого бугорочка, рядом с Суворовым, вздымают землю вокруг фельдмаршала.

Сидит Суворов на коне, не движется. Смотрит — и майор Пронин не испугался, ходит под ядрами, перерисовывает план местности. А Забелина нет. Исчез куда-то Забелин.

Услышали в русских войсках страшную канонаду, беспокоились о Суворове. Примчался казачий разъезд к Турину.

— Ваше сиятельство, — кричит казачий сотник, — отъезжайте, отъезжайте! Место опасное!

— Нет, сотник, — отвечает Суворов, — место прекрасное. Гляди, — показал на высокие тополя, — лучшего места не надо. Завтра отсюда начнём атаку.

Кончилась канонада. Собрался Суворов ехать назад. Крикнул Пронина. Крикнул Забелина.

Подожёл Пронин — бумажный лист весь исписан: где какие овражки, где бугорочки — всё как надо указано. А Забелина нет. Стали искать капитана. Нашли метрах в двухстах за Суворовым. Лежит Забелин с оторванной неприятельским ядром головой, рядом чистый лист бумаги валяется.

Взглянул Суворов на Пронина, взглянул на Забелина, произнёс:

— Храбрый всегда вперёд, трусишку и позади убивают.

«Я САМ ПРИНЕСУ СВОЮ ГОЛОВУ»

В русском лагере солдаты поймали француза. Поначалу француз молчал. Говорил лишь «пардон, пардон»¹ и больше ни слова.

Потом, когда солдаты на него поднажали, пленник разговорился. Сознался, что проник в русский лагерь затем, чтобы убить Суворова.

— Убить?!

— Ишь ты, стервец!

— Вешай его! — зашумели солдаты.

Однако подоспел дежурный по лагерю и вовремя остановил самосуд.

Стали выяснять. Оказалось, что французы оценили голову Суворова в два миллиона ливров. Вот и соблазнился французский солдат. Решил подкараулить, убить Суворова и доставить своим генералам голову русского фельдмаршала.

Доложили Суворову.

¹ П а р д о н — извините, простите.

— Помілуй бог, два миллиона лівров! — воскликнул Суворов. — Так дорого!

Слух о французском солдате прошёл по всему русскому лагерю. Теперь не только солдаты, но и офицеры и генералы стали требовать казни лазутчика.

Однако фельдмаршал, к общему удивлению, пленника отпустил.

— Ступай, — произнёс, — доложи своим генералам — пусть ждут. Я сам принесу к ним свою голову.

Суворов сдержал «обещание». Через несколько дней при городе Новы русские войска разби́ли французов. Бросив знамёна, обозы и всю артиллерию, французская армия позорно бежала. Командующий французской армией генерал Жубер был убит.

— Надули меня французишки, — «сокрушался» Суворов. — Зря ходил. Не захотели платить. Поразбежались!

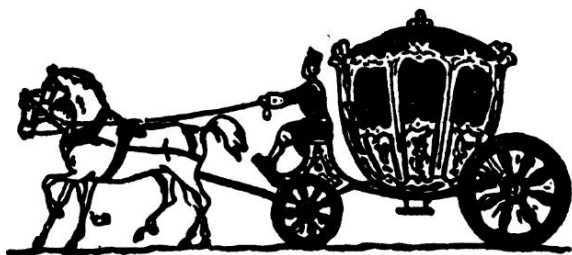
ГОВОРУН

Генерал князь Пирятин-Тамбовский во всех походах таскал за собой золочёную резную карету.

Генералом Пирятин был неважным. Зато говоруном оказался страшным. Раз уж завёл разговор — не отцепится. Собеседник уже и так и сяк, уже и шляпа в руках, и сам стоит у порога, а Пирятин:

— Минуточку, минуточку. Я вам ещё одну историю расскажу.

Старшие и равные по чину стали избегать Пирятина. Тогда генерал принялся за подчинённых. Вызывает к себе офицеров и начинает

рассказывать им всяческие истории. Вначале офицерам это нравилось. А потом, когда генерал рассказывал все истории и раз, и второй, и третий, то им опротивело. А так как начальству перечить было нельзя, офицеры придумали очередность. В понедельник ходил майор Краснощёкин, во вторник — поручик Куклин, в среду — капитан Рябов, и так до конца недели. Называлось это у офицеров несением «разговорной» службы. Ходили, слушали и проклинали Пирятина...

С кем только не беседовал за свою долгую жизнь генерал, а вот с Суворовым не приходилось. А поговорить с фельдмаршалом очень хотелось. И вот случай представился князю.

Один из неприятельских городов сдался русским без боя. Порядок в подобных случаях был таков, что победитель должен был в город въезжать в карете.

— Зачем мне карета? — заупрямился было Суворов. — Донской конь — лучшей не сыскать для меня кареты.

Однако генералы пристали, заговорили о престиже русской армии, о вековых порядках. Суворов поспорил и сдался.

Стали искать карету и вспомнили про князя Пирятина.

«Вот повезло! — обрадовался князь. — Вот уж наговорюсь, вот уж натешусь».

Целую ночь генерал не спал, вспоминал разные истории, всё готовился к встрече с Суворовым.

А Суворов страшно не любил болтунов. Слышал он про Пирятина, понял, что заговорит его генерал по дороге. Тогда Суворов по поводу кареты и её хозяина отдал такой приказ:

«У генерала князя Пирятина-Тамбовского позлащённую его карету взять. Хозяину сидеть насупротив, смотреть вправо и молчать, ибо Суворов будет в размышлении».

Прочитал Пирятин приказ и сразу настроение у князя испортилось. Однако приказ есть приказ, надобно повиноваться.

Сидит Пирятин в карете, держит голову, согласно приказу, повернутой вправо, молчит. Молчит, а самого так и распирает. Уже больно хочется ему заговорить с Суворовым. Просидел генерал молча минут десять и всё же не вытерпел:

— Александр Васильевич, вот я вам одну историю расскажу...

Однако Суворов гневно глянул на генерала, и тот приумолк. Просидел Пирятин ещё минут десять спокойно и чувствует, что больше не может. Не в силах болтун сдержаться.

— Александр Васильевич, вот я вам...

Несколько раз Пирятин пытался заговорить с Суворовым. Кончилось тем, что испортил он Суворову торжественный въезд в город и вконец разозлил фельдмаршала.

«Вот уж болтун! Ну и болтун! — ужаснулся Суворов. — Упаси, господи, русскую армию от таких генералов».

В тот же вечер Суворов отдал приказ отчислить князя Пирятина вместе с его каретой из армии.

— И чего это он? — удивлялся Пирятин-Тамбовский. — Карету для него не пожалел. Самые лучшие истории рассказывать собирался. Не оценил. Не понял добра фельдмаршал.

«КАК ДЕЛА У ВАС В ПАРИЖЕ?»

Поручик Козодубов во всем подражал французам. Манеры французские. Говорил по-французски. Книжки читал французские.

Особенно поручик любил болтать о Париже: и во что там народ одевается, и что ест, и что пьет, и как время проводит. И всё-то ему у французов нравится. И всё-то ему у русских нехорошо. И хотя сам Козодубов во Франции и Париже ни разу не был, да получалось из его слов, что чуть ли он не рожден в Париже, что вовсе и не русский он, а француз.

Прожужжал поручик своим товарищам о французах и о Париже все уши.

Вот как-то встретил Суворов Козодубова, взглянул, спрашивает:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так матушка у меня в Питере и батюшка в Питере, — ответил удивленный поручик.

— Ах, прости, прости! — извинился Суворов. — Я-то думал, ты из французских.

Ничего не понял поручик. По-прежнему нахваливает всё французское, а русских ругает.

Прошло несколько дней. Встретил снова Суворов поручика, опять с вопросом:

— Как дела у вас в Париже? Что матушка и батюшка пишут?

— Так, ваше сиятельство, я уже говорил, матушка у меня в Питере и батюшка в Питере. А рождён я во Псковской губернии.

— Ах, прости, прости старика, запомню.

Не может понять поручик, в чём дело. Стал он жаловаться товарищам на Суворова: мол, стар фельдмаршал, мол, память уже никуда и речи порой непонятные, странные.

Видит Суворов, что поручик и теперь ничего не понял. Происходило это как раз во время войны с французами. Наступил перерыв в боях. Предложили французы обменяться пленными офицерами. Суворов согласился. Составили штабные офицеры списки. Показали фельдмаршалу.

Просмотрел Суворов.

— Тут не все,— говорит.

— Все, ваше сиятельство,— докладывают офицеры.

— Нет, не все,— повторяет фельдмаршал.— Тут ещё один французиска не указан...

Рассмеялись офицеры. Поняли шутку фельдмаршала. Рассказали поручику. Бросился тот со всех ног к Суворову.

— Ваше сиятельство! — кричит.— Ваше сиятельство, ошибка! Русский я! Русский! Я же вам говорил.

— Нет ошибки,— отвечает фельдмаршал.— Не русский ты.

— Русский,— утверждает поручик.— Русский. И матушка у меня русская и батюшка русский. И фамилия у меня Козодубов. И во Пскове рождён.

— Мало что во Пскове рождён. Мало что

мáтушка да бáтюшка рúсские,— говорíт Суво́ров.— Да ты-то не рúсский. Душá у тебя не рúсская.

Дошлó наконец до неúмной головы́, в чём де́ло. Упáл он на колéни, прóсит простíть.

Подúмал Суво́ров, сказа́л:

— Лáдно, так уж и быть,— остава́йся. То́лько ступáй с моих глаз долóй. Иди́ дúмай. Горди́сь, дура́к, что ты россия́нин!

ВСЮДУ ИЗВÉСТНЫ

Всю свою́ солдатскую жизнь Прóшка провёл в денщика́х у Суво́рова.

Люби́л похва́стать Прóшка б́лизостью к вели́кому полково́дцу. Начаи́нал так: «Когдá мы с фельдмáршалом бивáли тýрок...» Или: «Когдá мы бивáли прúсских...»

— Ну, а ты здесь при чём? — смея́лись солдáты.

— Как — при чём! — обижа́лся Прóшка.— Как же без меня́? Да е́сли бы не я...

И Прóшка не врал. Составля́я пла́ны сраже́ний, Суво́ров люби́л «посоветова́ться» со своим денщикóм.

— А как ты дúмаешь, Прóшка,— спра́шивал Суво́ров,— не заслáть ли нам драгúн¹ в тыл к неприятелю?

— Заслáть, заслáть, непременно́ заслáть,— соглаша́лся Прóшка.

— А как ты дúмаешь, не напра́вить ли нам генерáлу тако́му-то сýкурс².

¹ Драгúны — кавалеристы в ца́рской а́рмии.

² Сýкурс — по́мощь.

— А как же — напράвить, непременно напράвить, — одобрял Прόшка.

Не раз Прόшка спасал Суворова от вѣрной гибели. Неосторожен, отчаян фельдмаршал. За ним нужен глаз да глаз. Неотступен Прόшка — словно тень за Суворовым. Поскользнулся фельдмаршал на пароме, ударился головой о бревно, камнем пошел ко дну — Прόшка не мешкая бросился в воду. Убило под Суворовым в разгар боя лошадь, и снова Прόшка тут как тут — подводит нового рысакá.

А сколько раз выхаживал Прόшка Суворова после ранений! Однажды ранение было особенно тяжёлым. Пуля прошла сквозь шею фельдмаршала и остановилась в затылке. Пулю вырезали. Однако рана воспалилась.

Суворов с трудом дышал и часто терял сознание. Больному требовался полный покой, Суворов же метался, порывался всё время встать.

Ни докторá, ни генерáлы не могли успокоить Суворова.

И снова нашёлся Прόшка.

— Не вѣлено, не вѣлено! — покрикивал он на больнóго.

— Кем не вѣлено! — возмущáлся Суворов.

— Фельдмаршалом Суворовым, — отвечáл Прόшка.

— О, фельдмаршала надобно слúшаться. Помилуй бог, надобно слúшаться, — говорил Суворов и утихал.

Во время войны с французами сардинский король неожиданно прислал Прόшке медаль. При этом было ука́зано, что Прόшка награждается «за сбережение здоровья великого полковóдца».

Медалью Прóшка страшно гордился и, когда с кѣм-нибудь заводил разговор, обязательно упоминал: «Да́же заграни́цкими моя́ о́соба отме́чена. Мы с фельдма́ршалом Алекса́ндром Васи́льевичем всю́ду извѣстны».

СЛА́ВА

Генера́л князь Баро́хвостов зави́довал суворо́вской сла́ве. Вот одна́жды он и спра́шивает у одно́го из солда́т:

— Скажи́ мне, бра́тец, почему́ Суво́рова в а́рмии лю́бят?

— Это́ потому́, ва́ше сия́тельство,— отве́чает солда́т,— что Суво́ров солда́тскую пи́щу ест.

Стал Баро́хвостов есть так же, как и Суво́ров, щи и солда́тскую ка́шу. Кривится́, но ест. Хо́чется, ви́дать, генера́лу суворо́вской сла́вы.

Прошло́ не́сколько дней, но сла́вы у Баро́хвостова не прибави́лось. Он о́пять спра́шивает у солда́та:

— Что́ же э́то сла́ва у меня́ не растёт?

— Это́ потому́, ва́ше сия́тельство,— отве́чает солда́т,— что Суво́ров не то́лько ест щи и ка́шу, но и спит по-солда́тски.

Стал и Баро́хвостов спать по-солда́тски — на жѣстком се́не в простóй пала́тке. Натира́ет генера́л изне́женные бока́, мѣрзнет от хо́лода, но те́рпит. Уж бо́льно ему́ хо́чется суворо́вской сла́вы.

Прошло ещё несколько дней, а генеральская слава всё не растёт. И снова он вызвал солдата:

— Говори, какой ещё секрет у Суворова?

— А тот, — отвечает солдат, — что фельдмаршал войска уважает.

Принялся и князь Барохвостов уважать своих подчинённых, ласковые слова говорить солдатам.

Но и теперь генеральской славы не прибавляется. Смотрят на него солдаты, промеж себя усмеваются. Всё-то и только.

Стал злиться тогда генерал. Снова кликнул солдата-советчика.

— Как же так, — возмущается Барохвостов. — Щи и кашу ем, сплю на солёме, ласковые слова говорю солдатам — почему же слава ко мне не идёт?!

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что и это ещё не всё.

— Что же ещё? Какие ещё такие секреты у Суворова!

— А те, — отвечает солдат, — что Суворов умеет бить неприятеля по-суворовски. Славу великую родине добыть умеет.

Тогда и Барохвостов решил бить неприятеля и добывать родине великую славу. Только как-то с этим у Барохвостова не получалось.

Поэтому и не пришла к нему слава, поэтому и помер он в неизвестности.

А слава о Суворове осталась в веках. И каждый Суворова знает.

Глава II.

ПРИВЫКАЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕУТОМИМОЙ

«Трудно в ученье, легко в бою», — говорил Суворов. Великий полководец даже написал специальную книгу о том, как обучать солдат военному делу. «Наука побеждать» — так называется эта книга.

«Бей не числом, а умением, — не раз повторял Суворов. — За учёного трёх неучёных дадут».

Суворов любил и умел ценить русских солдат. «Мне солдат дороже себя», «Мы русские... Мы всё одолеем», — с гордостью заявлял полководец.

Рассказы, вошедшие во вторую главую этой книги, познакомят тебя с тем, как Суворов воспитывал солдат и офицеров, как он готовил русскую армию к новым боям и походам. В этой же главе ты прочитаешь о жизни Суворова-помещика, а также узнаешь о том, как и за что фельдмаршал был отстранён из армии и отправлен в ссылку в село Кончанское.

ПРОШКА

Когда Прóшка попал в денщики к Суворóву, солдáт немáло обрадовaлся. «Повезлó! — подумал. — Не нáдо бóдет рáно вставáть. Никакíх рóтных занýтий, никакóго режíма. Благодáть!»

Однáко в пёрвый же день Прóшку постигло великóе разочаровáние. В четы́ре часá утра ктó-то затряс солдáта зá ногу.

Приоткрыл Прóшка глазá, смóтрит — Суворóв.

— Вставáй, дóбрый мóлодец, — говорíт Суворóв. — Дóлгий сон не товáрищ богатырý рúсскому.

Окáзывается, Суворóв рáньше всех подымáлся в áрмии.

Поднялся Прóшка, а тут и ещё однá неприятность. Приказáл фельдмáршал притащíть ведрó холóдной воды́ и стал обливáться.

Натираёт Суворов себе и шею, и грудь, и спину, и руки. Смотрит Прощка выпучив глаза — вот так чудо!

— Ну, а ты что? — закричал Суворов. И приказал Прощке тоже облиться.

Ежится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеётся.

— В здоровом теле дух, — говорит, — здоровый. — И снова смеётся.

После обливания вывел Суворов Прощку на луг. Побежал фельдмаршал.

— Догоняй! — закричал солдату.

Полчаса вслед за Суворовым Прощка бегал. Солдат запыхался, в бок укололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеётся.

И началась у Прощки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов осмотр оборонительным постам — и Прощка целые сутки в седле трясётся, то учинит проверку ночным караулам — и Прощке снова не спать. А тут ко всему принялся Суворов изучать турецкий язык и Прощку заставлял.

— Да зачем мне бусурманская речь? — запротестовал было солдат.

— Как — зачем! — обозлился Суворов. — Турки войну готовят. С турками воевать.

Пришлось Прощке смириться. Засел он за турецкий букварь, потел, бедняга, до пятого пота.

Мечтал Прощка о тихом месте — не получилось. Хотел было назад попроситься в роту. Потом привык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней честью и верой служил Суворову.

«ПАХУЧКА»

Из Петербурга на службу к Суворову прибыл молодой офицер. Князь Мещёрский. Одёт офицер по последней моде: щегольской мундир, башмаки лаковые, шелковые чулки до самых колен. Напомажен, надушен, напудрен.

Явился поручик к фельдмаршалу на доклад, словно не в штабную избу, а на званный обед во дворец пожаловал.

Втянул в себя Суворов непривычный запах.

— Помилуй бог! — воскликнул. — Пахучка!

— Что? — не понял Мещёрский.

— Духи, говорю, — произнёс Суворов, — пахучие.

— Французские, — похвастал поручик.

Смётрит Суворов на приехавшего и опять «восхищается»:

— А наряд-то, наряд-то какой! Чудо-наряд! И, должно быть, немало плачено.

— Полтысячи золотых, — с гордостью ответил Мещёрский.

— Помилуй бог! Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — А не прокатиться ли нам, милый, верхом? — вдруг предложил поручику.

Обрадовался молодой офицер. Сели они верхом на казацких коней. Тронулись. Сидит Мещёрский на коне — собою любит: вот он, мол, какой — и молодой, и красивый, и рядом с Суворовым едет.

Целый день таскал Суворов за собой новичка по разным местам.

Выбирал дорогу неезженую. Гнал лошадей через грязь и болота, через

овраги и перелёски. Дважды пускál вброд чéрез рéки.

Едет Суворов и всё приговáривает;

— Подумать тóлько, полты́сячи золотых!

Тóлько Мещёрский ужé пóнял, в чём дéло. Бóльше не хвáстает. С гру́стью смóтрит на щегольскóй наряд, понимáет — ни за чтó ни про чтó пропадáет наряд.

Обтрепáл за дóлгую доро́гу офице́р дорого́й мунди́р, изодра́л шёлковые чулки́, испóртил лаковые башмаки́, о жёсткое казáчье седло́ до кро́ви натёр себе́ но́ги.

Верну́лся щёголь в штаб-кварти́ру суворовских войск, слез с коня́ — едва́ на нога́х де́ржится. Едва́ де́ржится, но ви́ду не подаёт. Те́рпит.

«Те́рпит. Всю доро́гу молча́л. Толк бу́дет», — подумал Суворов.

И не оши́бся.

Вскóре с пору́чика сошёл пи́терский лоск. Стал «паху́чка» исправным офице́ром и отличи́лся во мно́гих походах.

НАСТОЯЩИЙ СОЛДАТ

Подошёл ка́к-то Суворов к солда́ту и сра́зу в упóр:

— Ско́лько от Земли́ до Ме́сяца?

— Два суворовских перехо́да! — га́ркнул солда́т.

Фельдмáршал аж крякнул от не-
ожиданности. Вот так отвёт! Вот так
солдáт!

Любил Суворов, когда солдáты
отвечáли находчиво, без запинки.
Примéтил он молодцá. Понравился
фельдмáршалу солдáтский отвёт,
однáко и за себя стáло обидно. «Ну,—
дúмает,— не мóжет быть, чтóбы я,
Суворов, и вдруг не постáвил солдáта
в тупик».

Встрéтил он чéрез нéсколько дней находчи-
вого солдáта и снóва в упóр:

— Скóлько звёзд на нéбе?

— Сейчáс, вáше сиятельство,— отвéтил сол-
дáт,— сочтú,— и устáвился в нéбо.

Ждал, ждал Суворов, подро́г на ветру́, а
солдáт не торопясь звёзды считаёт. Сплюнул
Суворов с досáды. Ушёл. «Вот так солдáт! —
снóва подúмал.— Ну, уж на трéтий раз,— реши́л
фельдмáршал,— я своего́ добыю́сь: постáвлю в
тупик солдáта».

Встрéтил солдáта он в трéтий раз и снóва с
вопрóсом:

— Ну́-ка, молодéц, а скажи́-ка мне, как звáли
мою́ прародíteльницу?

Довóлен Суворов вопрóсом: откúда же знать
простóму солдáту, как звáли фельдмáршальскую
бáбку? Потёр Суворов от удовóльствия рúки и
тóлько хотёл сказáть: «Ну, брáтец, попáлся!» —
как вдруг солдáт вýтянулся во фрунт¹ и гáркнул:

— Виктóрия², вáше сиятельство.

— Вот и не Виктóрия! — обра́довался Су-
воров.

¹ Во фрунт — то есть стал по стóйке «смíрно».

² Виктóрия — побéда.

— Виктoрия, Виктoрия,— повторил солдат.— Как же так может быть, чтобы у нашего фельдмаршала и вдруг в прародительницах была не Виктoрия.

Опéшил Суворов. Ну и ответ! Ну и хитрый солдат попался!

— Ну, раз ты такой хитрый,— произнёс Суворов,— скажи мне, какая разница между твоим ротным командиром и мной?

— А та,— не раздумывая ответил солдат,— что ротный командир хотя бы и желал произвести меня в сержанты, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и я...

Что было делать Суворову? Пришлось ему произвести солдата в сержанты.

Возвращался Суворов в свою палатку и всё восхищался:

— Помилуй бог, как провёл! Вот это да! Вот это солдат! Помилуй бог, настоящий солдат! Российский!

САПОГИ

В чине генерал-аншефа¹ Суворов был направлен на финляндскую границу. Поручили Суворову следить за переустройством и вооружением тамошних крепостей.

Граница была большой. Крепостей много. Одному трудно.

На самом отдалённом участке Суворов поручил наблюдение за работами какому-то полковнику. Тот, присмотрев день-второй, перепоручил это своему помощнику — майору.

¹ Генерал-аншеф — чин, предшествующий званию фельдмаршала.

А майор в свою очередь — молодому поручику.

Через какое-то время Суворов вспомнил про отдалённую крепость. Приехал. Посмотрел — работы стоят на месте.

Разозлился Суворов, вызвал полковника.

— Что же это! — закричал. — Почему работы не движутся?

Испугался полковник ответственности и свалил всё на майора: мол, майор во всём виноват.

Суворов вызвал майора:

— Поручал вам полковник?

— Поручал. Так я же отдал приказ поручику.

Вызвал Суворов поручика:

— Получали приказ?

— Так точно, — ответил поручик. — Получал. Да не думал, что к спеху.

— Да, — произнёс Суворов, — вижу, виновных нет. — И приказал принести прут.

Испугались виновные офицеры — ну как ударит!

А Суворов схватил прут и давай хлестать свой сапог. Хлещет и приговаривает:

— Не ленитесь. Не ленитесь. Это вы во всём виноваты. Если бы вы сами ходили по всем работам, этого бы не случилось.

Потом отбросил прут в сторону, сел на коня и уехал.

Перекрестились офицеры — беда миновала. Собрали солдат. Засучили рукава. Топоры в руки. За дело.

Помогли сапоги. Раньше других была отстроена отдалённая крепость.

МОНАСТЫРСКИЕ СТѢНЫ

Однажды сержант Кутейкин проводил солдатские учения около монастыря. Глянул сержант на высокие монастырские стѣны, что-то прикинул в умѣ и вдруг закричал:

— На штурм!

Солдаты опѣшили.

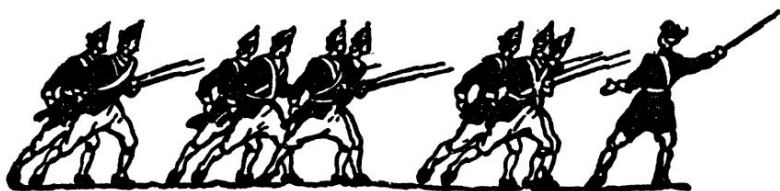
— На штурм! — повторил сержант.

Солдаты закричали «ура» и ловко полѣзли на стѣны.

Перепугались монахи. Не поняли, в чем дѣло. Забились в темные кельи. Сидят. Дрожат.

Кончил сержант учения, похвалил солдат за проворство, построил, повел в казармы.

На слѣдующий день сержант повторил учения. А вслед за сержантом потянулись и офицеры: капитан Кашкин, майор Мышкин да и другие. И превратился монастырь в учебную крепость. С утра до вечера штурмуют его солдаты. Прошло нѣсколько дней. Монахи по привычке к учениям, перестали бояться. Жизнь в монастырѣ скучная-прескучная. Даже интересно стало монахам. Стоят, смотрят. Ругается настоятель, разгоняет «святых отцов» по кельям. Только возвращаться в кельи монахам не хочется. Видать, понравилась солдатская удаль: самые молодые монахи и сами стали лазить на монастырские стѣны. И получился не монастырь, а черт знает что.

Разгнёвался настоятель, явился с жалобой на солдат к Суворову.

— Ай, ай! — воскликнул Суворов. — Вот негодники! Вот я им задам, вот покажу!

Стал Суворов допытываться, кто первым придумал про монастырские стены. Доложили — Кутейкин.

Вызвал фельдмаршал сержанта. Глянул — бравый сержант. Ростом статен, лицом красив и глаз хитрые-прехитрые.

— Ты что же, — говорит Суворов, — «святых отцов» обижаешь?!

— Никак нет, — отвечает сержант. — Не обижаю. — А сам наклонился к Суворову и шепчет: — Так ведь польза от стен превеликая. Тут — что на войнѣ: лучше учения и не придумаешь.

Вернулся настоятель к себе в монастырь. «Ну, — думает, — всё дело уладил». А утром глянул — и не верит своим глазам: со всех сторон подходят к монастырю войска. Идут солдаты стройными колоннами, с барабанным боем, с песнями, тащат штурмовые лестницы, разворачивают пушки. Перед войсками верхом на коне

Сувóров. Выхватил шпагу, вскинул над головой, указал на монастырские стёны:

— Чудо-богатыри, ура! Вперёд! Во славу отечества!

Пóнял настоятель, что напрáсно ходил к Суворóву. Написал в Пётр. Тóлько пока жалоба ходила по разным рукам, Суворóв со своими войсками ушёл на войну.

Крепко бил Суворóв протівника. Лóвко солдаты брали стёны вражеских крепостей. Прав оказался Кутейкин. Спасибо ему за монастырские стёны.

ПО-СУВÓРОВСКИ

В поле недалекó от казарм капрал Казáнского пехóтного полка вёл занятия со своими солдатами по-суворóвски.

— Чем важны учения? — обратился капрал к солдатам.

— Ученье свет, а неученье тьма! — хором отвечали солдаты.

— Так. Правильно. А чем ценен солдат учёный?

— За учёного трёх неучёных дадут.

— Правильно. А что важнейшее в войске?

— Солдат российский.

— Так, — произнёс капрал, — верно. — И перешёл к занятиям по рукопáшному бою.

Сам показáл. Потóм повторяли солдáты.

— Коlí! Прáвильно. Коlí! — выкрикивал капрáл.— Пуля дýра, штык молодéц! — выкрикивал по-суворовски он при éтом.

Начался дождь. Однáко капрáл солдáт не распустил.

— За мной! — закричáл.— Вперёд! — И побежáл чéрез пóле, чéрез оврáг к рéчке.— Живей, живей! — подгоняет солдáт и опя́ть по-суворовски: — Голова́ хвостá не ждёт. Храбрый впередí, трусишку и назадí убивáют!

Подбежáли к рекé. Капрáл бух в вóду — и на тот бéрег. И солдáты за ним. Ылезли, смóтрят — один поотстáл. Бьётся на быстри́не, тóнет.

— Назáд! — закричáл капрáл.— Сам погибáй, а товáрища выручáй! В вóду!

Ыташили неумельца солдáты. Стоят, перево́дят дух.

— Устáли? — усмехну́лся капрáл.

— Устáли,— созна́лись солдáты, но тут же гáркнули по-суворовски: — Трудно́ в учёнье, лёгкó в бою́!

— Молодцы́! Прáвильно! — похвали́л их дово́льный капрáл.

Слúхи о занáтиях солдáт в Казáнском полкú дошли́ до Суворова. Порáдовался фельдмáршал, что солдáты суворовскую нау́ку осва́ивают. Решíл он узнать фами́лию лихóго капрáла. Написáл письмó командíру полкá. Вскóре пришёл отвёт:

«Фами́лию, ва́ше сия́тельство, указáть не могу́. У нас что ни капрáл — кáждый ведёт занáтия по-суворовски».

ГОСПИТАЛЬ

— Не люблю госпиталей,— говорил Суворов.— Тот их любит, кто не радует за здоровье солдата.

Принял Суворов командование над войсками, стоявшими на северной русской границе, и узнал, что в тамошних госпиталях находится сразу тысяча человек больных.

Явился Суворов в госпиталь, стал ходить по палатам. Зашёл в первую, спрашивает у солдат:

— Чем больны, чудо-богатыри?

Молчат солдаты. Сказать неудобно.

— Чем больны? — повторил Суворов.

— Животами мучаемся,— наконец произнёс какой-то солдатик.

— Позвать сюда провиантмейстера¹,— приказал Суворов.

Провиантмейстер прибыл.

— Чем солдат кормишь? — спрашивает фельдмаршал.

— Так, разным...— начинает провиантмейстер.

— Чем — разным?

— Кашей, ваше сиятельство, мясом.

— А ещё?

— Капустой.

— Так,— произнёс Суворов и приказал принести капусту.

Принесли, попробовал, а та тухлая.

Посмотрел Суворов на провиантмейстера злыми глазами, закричал:

— Под арест! На гауптвахту! На десять суток!

¹ Провиантмейстер — офицер, ведающий снабжением войск провизией.

Вошёл Суворов во вторую палату.

— Чем больны, чудо-богатыри?

Растерялись, молчат солдаты.

— Они поотмороженные, — проговорил санитар.

— Позвать сюда каптенармуса¹, — распорядился Суворов.

Каптенармус прибыл.

— Во что солдат одеваешь?

— Как положено, ваше сиятельство, — отвечает каптенармус. — В мундиры, в башмаки, в чулки.

— В чулки! — закричал Суворов. — Север. Морозы. Почему валяных сапог не завезли? Где рукавицы?

Почувствовал каптенармус свою вину. Молчит, переминается с ноги на ногу.

— Под арест, на гауптвахту, на десять суток! — отдал приказ Суворов.

Пошёл Суворов дальше. Входит в третью палату:

— Чем больны, чудо-богатыри?

— Это раненые, — отвечает за солдат санитар.

— Какие ещё раненые? — удивился Суворов.

Войны в это время никакой не было.

— Это из батареи поручика графа Кутайсова, — объяснил санитар. — На учениях пушку разорвало, ваше сиятельство.

Кликнул Суворов поручика, отругал, что за снарядами и пушкой плохо следит, и тоже под арест, на гауптвахту, на десять суток.

Прошло около месяца. Появились у солдат и валенки и рукавицы. И в помине не осталось

¹ Каптенармус — офицер, ведающий обмундированием войск.

тѹхлой капѹсты. Кутайсов и другіе офицеры ста́ли собственнорѹчно проверять снаряды и пушки.

Прошёлся Суворов вновь по госпиталям. Ходит по палатам, а палаты пусты́е. Вме́сто пре́жней ты́сячи человек с трудо́м со́рок больны́х насчиталось.

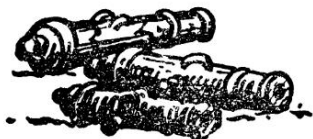
Ходит Суворов — дово́лен. Не любил фельд-маршал госпиталей.

НА СЕСТРОРЕЦКОМ ЗАВОДЕ

Императрица Екатери́на Вторая́ поручила Суворову обследо́вать Сестро́рецкий ору́жейный заво́д.

Ста́ли на заво́де гото́вить Суворову торже́ственную встре́чу. Нача́льник заво́да вы́ехал на Петербу́ргский тракт, что́бы за́рание встре́тить фельдма́ршала.

А Суворов в это́ время в про́стой солда́тской ку́ртке на тара́йке кру́жным путе́м по би́той просёлочной доро́ге при́ехал на заво́д и пра́мо в ору́жейные масте́рские.

Ходит Суворов по мастерским, смотрит по сторонам.

Осмотрел карабины — хорошие карабины.

Осмотрел штыки — хорошие, острые штыки.

Поглядывает на Суворова мастер Иван Хомяков. «И чего это, — думает, — солдат здесь крутится?»

— Эй, служивый, чего ты здесь?

— Да так себе. Так себе. Ничего, — ответил Суворов. — Кто мастер?

— Ну, я мастер.

— Как звать?

— Иван Хомяков.

«И чего ещё привязался!» — думает мастер.

— Ступай, — говорит, — служивый, своей дорогой. Тут фельдмаршала ждут. Увидят тебя — попадёт.

Суворов ушёл.

Не встретил начальник завода высокого гостя, вернулся назад. Хомяков ему и рассказал о неизвестном солдате.

— Какой солдат?

— Да такой старенький.

— Старенький?! А росту какого?

— Небольшого, выходит, росту. Поменьше, чем среднего.

— Худошав?

— Худошав.

— Сед?

— Сед.

— Волосы хохолком вперёд?

— Хохолком.

— Глаза голубые?

— Голубые.

— Так это ж Суворов! — закричал начальник завода.

Иван Хомяков так и присел. Бросились искать «солдата», а его и след простыл: ни таратайки, ни лошадей.

Перепугался начальник завода. Хомякова ругает, стражу поносит. Да и мастер струхнул — выходит, сам же Суворова с завода выпроводил. Волнуются они, ждут наказаний.

Через неделю из Питера прибыл пакет. Пакет от самой государыни. Держит его начальник в руках, вскрыть не решается — отставка, думает. Вскрыл. Развернул бумагу, одним глазом искоса смотрит, руки дрожат, сердце стучится. Читает. Читает и не верит своим глазам: в бумаге добрые слова про сестроречские штыки и карабины, монаршее благословение начальнику и приказ о выдаче Ивану Хомякову и другим мастерам по сто рублей серебром за искусство в работе.

РТІЩЕВ-УМІЩЕВ

Многие проступки мог простить Суворов своим солдатам и офицерам, а вот ответа «не могу знать» не прощал.

«Не терплю «немогузнаек», — говорил Суворов. — От них лишь позор армии».

И вот как-то Суворов приехал в свой любимый Фанагорийский полк, решил устроить офицерам экзамены.

Расселись офицеры рядком на лавках. Напротив — командир полка и Суворов.

— Что такое атака? — обратился фельдмаршал к майору Козлятину.

— Атака есть решительное движение войск

вперёд, имѣющее цѣлью уничтожить противника,— отчеканил Козлятин.

— Дѣльно, дѣльно,— похвалил Суворов.— Правильно. А что такое супренировать? — спросил у капитана Проказина.

— Супренировать, ваше сиятельство,— ответил Проказин,— это значит напасть неожиданно, застать неприятеля врасплох, разбить, не давая ему опомниться.

— Дѣльно. Дѣльно,— снова похвалил Суворов.

Доволен фельдмаршал: знающие офицеры. И командир полка доволен. Сидит, улыбается, а сам Суворову всё время на молодого поручика Ртищева показывает.

— Это,— говорит,— самый знающий в полку офицер. Умница!

Дошла очередь и до Ртищева.

— А ну-ка, скажи мне, Ртищев,— произнес Суворов,— что такое есть ретирада?¹

Замаялся поручик и вдруг...

— Не могу знать! — выпалил.

Все так и ахнули. Ну, всё дело испортил. Офицеров подвёл. Командира полка опозорил.

Рассвирепел Суворов, вскочил с лавки.

— Немогузнайку подсунули! — закричал, затопал ногами.

Повернулся, выбежал из избы прочь, сел на коня и хотел уехать. Да вдруг призадумался. Слез с коня, снова вернулся в избу, снова к поручику:

— Так что такое есть ретирада?

— Не могу знать, ваше сиятельство. В на-

¹ Ретирада — отступление.

шем полку́ такое́ сло́во никому́ не извѣстно. Полк наш суворовский, полк наступающий!

Глянул Суворов на Ртищева и вдруг закричал:

— Ай да полк! Ай да полк! Сла́вный полк — Фанагорійский. Зна́чит, никто́ не знаёт?!

— Так то́чно, ва́ше сия́тельство.

— Вот уж не ду́мал, что прокля́тый немогу-зна́йка доста́вит мне сто́лько ра́дости! — прослезился Суворов. — Вот так Ртищев! Ай да Умищев!

ВРАГ

Секунд-майор граф Калачинский нажил себе в армии немало врагов. Невыдержанным был секунд-майор на язык. Чуть что — обязательно кого-нибудь обидит, ввяжется в спор, накричит или скажет дурное слово. Вот и невзлюбили его товарищи. Вот и появились у майора враги. Как-то пришёл Калачинский к Суворову, пожаловался на своих товарищей.

— Помилуй бог! — проговорил Суворов. — Ай-ай, как нехорошо! Враги, говоришь? Ай-ай. Ну, мы до них доберёмся.

Прошло несколько дней. Вызвал к себе Суворов секунд-майора.

— Узнал, — говорит, — я имя того главнейшего злодея, который вам много вредит.

— Капитан Пикин? — выпалил Калачинский.

— Нет.

— Полковник Лепёшкин?

— Нет.

— Поручик Вяземский?

— Нет.

Стоит Калачинский, думает, кто бы это мог быть ещё.

— Знаю! — закричал. — Знаю! Генерал-квартирмейстер князь Оболенский!

— Нет, — опять произнёс Суворов, посмотрел на Калачинского загадочным взглядом, поманил к себе пальцем.

Подожёл секунд-майор, наклонился к Суворову. А тот тайнственно, шёпотом:

— Высунь язык.

Калачинский высунул.

— Вот твой главнейший враг, — произнёс Суворов.

СТОРОНИТЬСЯ!

Суворов любил лихую езду. То ли верхом, то ли в возке, но непременно так, чтобы дух захватило, чтобы ветер хлестал в лицо.

Дело было на севере. Как-то Суворов уселся в санки и вместе с Прощкой отправился в объезд крепостей. А в это время из Петербурга примчался курьер, важные бумаги привёз Суворову. Осадил офицер разгорячённых коней у штабной избы, закричал:

— К фельдмаршалу срочно, к Суворову!

— Уехал Суворов, — объяснили курьеру.

— Куда?

— В крепость Озёрную.

Примчался офицер в Озёрную:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В крепость Ликолу.

Примчался в Ликолу:

— Здесь Суворов?

— Уёхал.

— Кудá?

— В Кюмёнь-град.

Прискака́л в Кюмёнь-град:

— Здесь Суво́ров?

— Уёхал...

Уёхать Суво́ров уёхал, да застря́л в пу́ти. Оди́н из коне́й захромáл. Пришлóсь поверну́ть наза́д. Дви́гались ша́гом, едвá тащились. Про́шка сидёл на ко́злах, дрема́л. Суво́ров нёрвничал, то и де́ло толка́л денщика́ в спи́ну, тре́бовал погоня́ть лошаде́й.

— Нельзя́, нельзя́, ва́ше сия́тельство, ко́нь в неиспра́вности, — ка́ждый раз одно́ и то́ же отве́чал Про́шка.

Прити́хнет Суво́ров, переждёт и сно́ва за Про́шкину спи́ну. Не сиделось фельдма́ршалу, не хвата́ло терпе́ния тащи́ться обо́зной кля́чей.

Проёхали версты́ две, смóтит Суво́ров — трóйка навстрéчу. Ко́ни пти́цей летя́т по́ полю. Снег из-под копы́т ядрами. Пар из лошади́ных ноздрéй трубо́й.

Суво́ров аж привста́л от востóрга. Смóтит — вмéсто кучера на ко́злах молодóй офице́р, во́жжи

в руках, нагайка за поясом, папаха на ухе, кудри по ветру усами плещут.

— Удалец! Ой, удалец! — не сдержал похвалы Суворов.

— Фельдъегерь, ваше сиятельство, — произнес Прощка. — Видать, не здешний, из Питера.

Смотрит Суворов, любитесь. Дорога зимняя узкая, в один накат. Разъехаться трудно. А кони всё ближе и ближе. Вот уже рядом. Вот уже и храп и саночный скрип у самого уха.

— Сторонись! — закричал офицер.

Прощка замешкал: не привык уступать дороге.

— Сторонись! — повторил офицер и в ту же минуту санки о санки — бух!

Вывалились Суворов и Прощка в снег, завязли по самый пояс. Пронёсся кучер, присвистнул, ветром помчался дальше.

Поднялся Прощка, смотрит обозлённо фельдъегерю вслед, отряхивает снег, по-дурному ругается.

— Тихе! — прикрикнул Суворов и снова любитесь: — Удалец! Помилуй бог, какой удалец!

Три дня носился офицер по северной русской границе. Наконец разыскал Суворова.

— Бумаги из Питера, ваше сиятельство.

Принял Суворов бумаги, взглянул на фельдъегеря и вдруг снял со своей руки перстень и протянул офицеру.

— За что, ваше сиятельство?! — поразился курьер.

— За удаль!

Стоит офицер, понять не может. А Суворов опять:

— Бери, бери. Получай! За удаль. За русскую душу. За молодечество!

БАРИН

Суворов жил во времена крепостного права. Он и сам был крупным помещиком. Под Москвой, под Владимиром, Костромой, Пензой и Новгородом находились земли и имения графа Суворова.

Пятнадцать тысяч душ крепостных крестьян принадлежало фельдмаршалу.

В новгородском имении графа Александра Васильевича Суворова ждали приезда барина.

Изнемогли мужики. Замучил их своими придирками графский управляющий Балк. Вот и решили мужики дожидаться приезда Суворова, прийти к нему и всё рассказать. Прибыл Суворов. Явились крестьяне.

— Как звать? — обратился фельдмаршал к первому.

— Денис Никитин.

— Про что жалоба?

— Сечен, батюшка.

— За что сечен?

Принялся Никитин объяснять, что зимой, проходя по барскому полю, нашёл он подгнивший сноп хлеба. Подобрал его Никитин, поволок домой. Однако дорогой был встречен Балком, схвачен управляющим и выпорот.

— Правильно выпорот, — сказал Суворов, — на барское рогат не разевай.

— Так сноп же подгнивший. Заваливающий. Ему же всё равно пропадать.

— Не твоё дело, — прервал Суворов. — За порчу с управляющего спрос. Ступай. А что у тебя? — обратился ко второму мужику.

— Сечен, батюшка.

— За что сечен?

— Шапку не снял перед Бálком, вáше сиятельство.

— Шапку снимáй,— отвéтил Суворов.— Правильно сéчен.

— Так я же не замéтил. Без злóго умысла, вáше сиятельство.

— Впредь замечáй. Бúдет нау́ка. Ну, а ты? — обратился к горбáтой старúхе.

— Сéчена, бáтюшка, сéчена,— зашáмкала та,— недоймки у меня: три рублѣ двáдцать копéек.

— Помѣлуй бог! — воскликнул Суворов.— Три рублѣ двáдцать копéек! Вернѣй. Немéдя вернѣй.

— Так где же их взять?

— Корóву продáй.

— Так нет же корóвы.

— Займѣй.

— Так у когó же заня́ть?!

— Ступáй,— прекратѣл разгово́р Суворов.— Ве́рно сéчена. За недоймки управляющему на́каз и впредь батогáми жа́ловать.

Бóльше жа́лобщиков не нашлóсь. Расходѣлись мужикѣ разочарóванные.

— Бáрин, как есть бáрин! — говорѣли онѣ.

НЕВЕ́СТЫ

Приéхал кáк-то Суворов под Владѣмир в Ундол, прошѣлся по úлице, повстречáл гру́ппу парнѣй:

— Женáты?

— Нет, вáше сиятельство.

— Почему́ не женáты?

— Так невéст на селé нет.

ВЫзвал Суворов управляющего, стал кричать:

— Парни как дубы выросли. Почему не женаты?

— Невест же нет на селе.

— Купить невест,— распорядился Суворов.

Любил Суворов, чтобы крестьяне вовремя заводили семью и детей, чтобы своё хозяйство вели в исправности. Хозяйство в исправности — барину лишний доход.

На следующий день, получив двести рублей, управляющий двинулся за невестами.

— На лица не смотри,— наставлял Суворов.— Лишь бы здоровы были. Не задерживайся. Купил — и в Ундола. Отправляй на подводах. Вези осторожно, сохранно.

Через несколько дней невесты прибыли.

Суворов вызвал парней:

— Становись!

Стали по росту.

Подожёл к невестам, согнал с телег:

— Становись!

Невесты построились.

— На-пра-во!

Парни и девушки повернулись, оказались теперь попарно.

— Шагом марш! Под венец. В церковь! — скомандовал Суворов и сам пошёл первым.

Тут же молодых женили. А так как времени было мало и невесты и женихи друг друга как следует не рассмотрели, то после обручения сразу же перепутались. Где муж, где жена, разобраться не могут.

Построил тогда Суворов снова парней и девчат по росту. И сразу стало всё на своё место.

Суворов остáлся доволен. Женйл. Дóброе дéло сдéлал. А о том, понравились ли друг дрúгу женихí и невёсты, и не подúмал. Бáрин. И молодые смолчáли: бáрская воля — нáдобно слýшаться.

КОНЬКÍ

Мáло кто в те временá на конькáх катáлся. А вот Суворов катáлся.

Живя зíму в Ундоле, фельдмáршал кáждый день ходíл на замёрзший пруд, проводíл там часá два, а то и три сряду.

Пристрастíлся ходíть на пруд вмéсте с Суворовым и мальчíшка Фёдька Ухов. Вначáле прóсто ходíл, смотрéл. А потóм смастерíл для себя конькí из стáрой желéзки. Вíдит фельдмáршал — шúстрый мальчíшка, принялся его обучáть.

— Не робей. Не робей! — наставляет Суворов.

А Фёдька вóвсе и не робéет. Тóлько нóги у него разъезжáются.

— Стой так. Держíсь прямо, — объясняет Суворов. — Шаг лéвой. Шаг прáвой. Пошёл. Живее. Живее, давай!

Заторóпится Фёдька — бух, и нá спину.

Смеётся Суворов.

Подыметсá мальчíшка, отряхнёт снег, закусит губú и опя́ть за учéние. Упрямый Фёдька.

— Шаг лéвой! Шаг прáвой! — командует Суворов. — Пошёл. Живее. Живее. Давай!

Недéлю мучился Фёдька. Пáдал. Шíшки себе набíл. Оdnáко своего добíлся. Дёржитсá на ногáх крéпко, хотя́ и бéгает покá тíхо.

Мчит впередí Суворов.

— Давай шибче! Давай шибче! — кричит Фёдке.

Отстаёт Фёдка.

Прошла ещё неделя. Мальчишка освоился. Не уступает теперь Суворову.

Прошла третья неделя, и Фёдка стал обгонять фельдмаршала. Обгонит:

— Давай шибче! Давай шибче! — кричит барину.

Напрягается Суворов изо всех сил, пыжится, однако обогнать Фёдку уже не может.

Всё чаще и чаще к пруду стали собираться другие мальчишки. Сгрудятся, смотрят, как фельдмаршал и Фёдка бегают. Весело им смотреть на Суворова, радуются, что свой барина обгоняет. Смеются.

Обидно стало Суворову, стал отгонять он мальчишек. Отойдут те, а потом незаметно снова к пруду приблизятся. Снова смеются. Злятся Суворов.

— Пошли вон! — кричит на ребят.

Надоело это Суворову. Стал он тогда выби-

ра́ть тако́е вре́мя, что́бы Фёдьки побли́зости не́ было. Ви́дит — нет Фёдьки, схва́тит коньки́, скорей на каток. Пробежи́т по пруду́ круг, друго́й, смо́трит — и Фёдька тут, сло́вно из-под земли́ вы́рос. И снова́ бегу́т ребята́. Снова́ смею́тся.

Разозли́лся вконец́ Суво́ров, позва́л управля́ющего:

— Зна́ешь мальчи́шку Фёдку Ухова?

— Знаю́, ва́ше сия́тельство.

— Так отвези́ его во Влади́мир и прода́й,— приказáл Суво́ров.— Чтоб ду́ху его́ тут не́ было!

Приказáл Суво́ров, а потóм передума́л: всё же понра́вился мальчи́шка своим уме́льством фельдма́ршалу.

Оста́лся Фёдька в Ундоле.

Че́рез три го́да Суво́ров снова́ вспо́мнил о ма́льчике и приказáл управля́ющему отда́ть его́ в ученики́ к желе́зных дел ма́стеру.

Выучи́лся Фёдька, верну́лся в родну́ю дере́вню и вско́ре стал просла́вленным ма́стером на всю окрúгу.

БОБЫЛЬ

В селе́ Моровки́-Шу́шки, что находи́лось в Пе́нзенских владения́х гра́фа Суво́рова, жил бобыль Григо́рий Не́ктов.

До́ма не имёл, жены́ не имёл, родных́ то́же. Побира́лся он по селу́ — чем кто накорми́т, а то и вообще́ пропада́л из Шу́шек, и где он скита́лся, то́лком никто́ не знал.

А тут подошёл набо́р крестья́н в а́рмию. Во времена́ Суво́рова солда́тская слúжба была́ до́лгой-предо́лгой — два́дцать пять лет. Из семьи́ уходи́л рабо́тник надóлго, наве́чно. Вот и реши́ли

шúшкинские мужикí: чегó же дúмать, пúсть-ка Нéктов идёт в рéкруты¹.

Сувóров же стра́шно не любíл отдава́ть своих крепостных в солдаты. Невы́годно. Завёл он такой порядок: рéкрутов покупа́ть со стороны́. Полцены́ вносíл Сувóров, вторóю половíну собира́ли са́ми крестья́не. Ропта́ли мужикí на денежные побóры, одна́ко мири́лись. А вот на этот раз реши́ли: зачём же им тра́тить ли́шние деньги, раз есть бобы́ль Грíшка.

Ста́ли мужикí упрáшивать ста́росту Ива́на Агафо́нова, что́бы тот немéдя же написáл о Грíшке Сувóрову.

Понача́лу Агафо́нов упёрся: а ну как ба́рин начнёт руга́ться? Потóм согласи́лся: пользы́ же всё равно́ никакóй от Нéктова. Принялся сочи́нять письмó. Писáл хитро́. На́чал с того́, что в Шúшках вторóй год неурожа́й, что крестья́не пришлí в скúдность, денег на рéкрута нет. Потóм упомяну́л, что при поко́йном родíтеле рéкрутов не покупа́ли и что, мол, меня́ть поря́док не сто́ит. А ужé в са́мом конце́ упомяну́л о Григóрии Нéктове: мол, бобы́ль, де́лом не зánят, бродяжни́чает, мол, его́ и отда́ть в солдаты́.

Ждут в Шúшках отве́та от Сувóрова. Вот и при́был отве́т. Гля́нул ста́роста — в глаза́х потемнело́.

«Рéкрута немéдя купи́ть,— грóзно писáл Сувóров.— И впредь покупа́ть, ина́че быть вам рóзгами бíтыми». Дáлее в письме́ наказы́валось, что́бы Нéктову всем мíром «завести́ дом, ло́жку, плóшку, скоти́ну и всё прóчее» и что́бы помога́ть Грíшке до тех пор, пока́ хозя́йство его́ не нала́дится. А в конце́... «Раз Нéктов до сей поры́

¹ Р é к р у т — солдат-новобра́нец.

бобыль,— писал Суворов,— то главный ответчик — староста Иван Агафонов, а посему повелеваю оженить того бобыля на Агафоновой дочке Лукерье и даю на тот случай сроку 15 дён».

— Бог ты мой,— вскричал Агафонов,— бобыля Гришку — да на моей Лукерье!

Прибежали крестьяне.

— Ну что, что там в письме, чего барин в нём пишет?

— Пошли вон! — заревел Агафонов.— Господи милый! За что покарал! За что же Лукерью... — заскулил староста.— Всё из-за вас, проклятое семя! — набросился он на крестьян.— Сгною!.. Засеку!.. По миру пущу!..

Разбежались крестьяне.

Повздыхал, поохал староста Агафонов, да что же делать. Знал он крутой нрав барина — оженил на пятнадцатый день Лукерью и Гришку, завёл им дом, ложку, плóшку, скотину и всё прочее.

И не стало с той поры в Шúшках бобыля Гришки. А в солдаты ушёл рекрут, купленный на общий крестьянский счёт, с приложением, как и полагалось, суворовской половины.

КОМУ КАК У ГОСПОД ЖИВЕТСЯ

Как-то в воскресный день на ярмарке встретились крепостные разных господ. Были здесь мужики помещика Псарова, помещицы Водолеевой, князя Пирятина. Были и графа Суворова — ундольские мужики

Завели мужики разговор о том, кому как у господ живётся.

— У нас барин крут. Крут, не зря, что фельдмаршал,— заявили суворовские крестьяне.

— Чем же он крут?
— Парней и девчат обже́нил без разбо́ру.
— Ну, а ещё?
— Мальца́ Фёдку хотёл прода́ть.
— Ещё?
— Ещё ре́крутов покупа́ть заставля́ет.
— Ну и крут! — засмея́лись крепо́стны́е дру́гих госпо́д.— Вы уж молчи́те. У вас ба́рин как ба́рин. Хоро́ший ба́рин у вас. Дай бог и нам бы тако́го.— И приня́лись расска́зывать о сво́ей жи́зни.

Крепо́стны́е поме́щика Пса́рова — про то, как их ба́рин три ра́за в годú — в покрóв, рождество́ и на свѣ́тки¹ — всем мужика́м и ба́бам учиня́ет поголо́вную по́рку.

— Это чтоб ба́рскую ру́ку по́мнили, что́бы боя́лись,— объясня́ли пса́ровские крестья́не.— Вот кто уж крут, так это наш ба́рин: ви́новных — на цепь, недо́вольных — в солда́ты, за недо́ймки — в те́мный подва́л на хлеб и ржа́вую во́ду.

— Поду́маешь, Фёдку хотёл прода́ть! — заговори́ли крепо́стны́е поме́щицы Водоле́евой.— Того́ хоть за де́ло, за озорство́, а на́ша ба́рыня — так ни за что́ ни про что́ э́тих мальцо́в, сло́вно цыплѣ́т, на торг воза́ми выво́зит. Не те́рпит ба́рыня де́тского кри́ку. Дворо́вых де́вок, так тех, о го́споди, едва́ у ко́го наро́дилось дите́, топи́ть, как котѣ́т, понужда́ет.

— А наш ба́рин,— вмеша́лись в разгово́р крестья́не кня́зя Пирѣ́тина,— по весне́ тре́х еге́рей за́порол до́ смерти. А за что? За то, что те нена́роком во вре́мя охóты подстре́лили борзю́ю. Су́ка попра́вилась, а мужико́в — на по́гост.

¹ Покрóв, рождество́, свѣ́тки — церко́вные пра́здники.

Дóлго шумéли на базáрной плóщади мужикí. Говорíли всякое. И про то, как мрут крестья́не от раз́ных болéзней, и что íзбы у всех не íзбы, а бог знаéт что, и что дéти растúт не учёны, и что са́ми мучены-перемучены и нет уже бо́льше сил терпéть измывáтельства и гнуть мужи́цкие спи́ны ра́ди бар и госпóдской прихоти.

Возвращáлись сувóровские мужикí к себé в Ундо́л, воспомина́ли разгóвор на базáрной плóщади, думáли: «Да, пожа́луй, наш ба́рин совсе́м хоро́ший. Хоть и фельдма́ршал, и граф, и князь, а всё же жить при тако́м мо́жно. Упаси́ нас бог от други́х госпóд».

ШКО́ЛА

Не́сколько лет Росси́я жи́ла без войны́. Войска́ Сувóрова стоя́ли на о́дном ме́сте.

Обзавéлись за э́то вре́мя солда́ты се́мьями. Понаро́дились дéти. Вот и реши́л Сувóров организовáть для солда́тских дете́й шко́лу.

Организовáл и сам стал вести́ в ней за́нятия.

Собралóсь внача́ле в шко́лу двена́дцать ребят и подро́стков. А че́рез не́сколько дней пришлá де́вочка — Ню́та. Ребё́та ста́ли смея́ться: де́вчо́нка — и в шко́лу! Язы́к показыва́ют. Дразня́т. То́лько зря смея́лись ребё́та. Ню́та оказа́лась не глупе́е други́х.

— Ско́лько два́жды два? — спрóсит Сувóров.

Сидя́т ребё́та, мо́рщат лбы, сообража́ют.

— Четы́ре! — выпали́т Ню́та.

— Молоде́ц! Пра́вильно,— ска́жет Сувóров.

Пото́м вызывáет ребя́т к доске́, заставля́ет писа́ть раз́ные слова́. Выбира́ет трудо́вые:

— А ну-ка, Ры́ндин, напи́ши мне сло́во «ещё».

Вы́йдет Ры́ндин, поду́мает, напи́шет «ищó».

— Так, — произнесёт Суво́ров. — А ну-ка, Ла́птев, ступа́й ты.

Вы́йдет Ла́птев, напи́шет «исчо́». Му́чаются ребята с упрямым сло́вом. «Есчо́», «ищё», «исче́» — по-разному пи́шут.

— Неве́рно, неве́рно, — говори́т Суво́ров. — Ну-ка, Ню́та, ступа́й к доске́.

Вы́йдет Ню́та и крупными бу́квами вы́ведет: «Ещё».

— Вот тепе́рь пра́вильно, — ска́жет Суво́ров и похва́лит Ню́ту.

Или устро́ит Суво́ров уро́к геогра́фии:

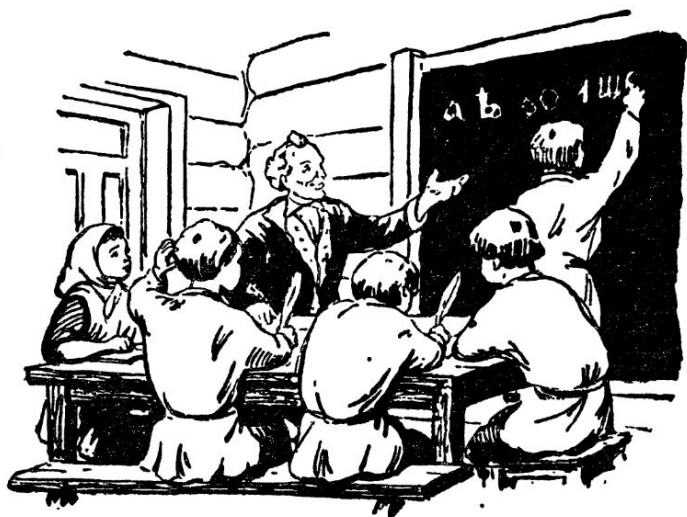
— Где река́ Дон?

И снова ребята мо́рщат лбы. Оди́н на Во́лгу пока́жет, друго́й на Дне́пр, тре́тий вообще́ бог весть куда́ заберётся. Зато́ Ню́та подойдёт к ка́рте, схва́тит ука́зку и сразу́ в ну́жное ме́сто ткнёт.

Вот и назна́чил Суво́ров Ню́ту ста́ршей над кла́ссом. Оби́дно ста́ло мальчи́шкам: девчо́нка — и вдруг ста́ршая! Побы́ли они́ не́сколько дней в подчинении́ у Ню́ты, а потóм Ры́ндин и Ла́птев обрати́лись к Суво́рову с жа́лобой от всех ребят.

— Да, — произне́с Суво́ров, — ва́ша пра́вда. Нехорошо́ это́. Не де́ло. Не приста́ло парня́м у де́вочки быть в подчинении́. То́лько ведь по заслуга́м Ню́та за ста́ршую. Как же нам быть?

Стали ребята вместе с Суворовым думать, как же им быть.

— Нюта умнее нас, — заявил Рындин.

— У неё голова больше, — произнёс Лаптев.

— Невёрно, неверно! — перебил их Суворов. — Не умнее вас Нюта. Нюта прилежнее. Не гоняйте, — говорит, — вечерами по улицам, а сидите дома, изучайте географию и арифметику, как трудные слова пишутся, запоминайте, и у вас дело пойдёт.

Послушались ребята Суворова. Выучили таблицу умножения. Запомнили, где какие моря и реки. Разные мудрёные слова без ошибок писать научились.

Через месяц Суворов устроил ребятам проверку:

— Где река Дон?

Каждый лезет, норовит показать первым.

— Как написать слово «ещё»?

Чéрез «е», «щ», «ё»! — хóром кричáт ребята.

— Скóлько двáжды два?

— Четы́ре!

— А трёжды три?

— Дéвять!

— Молодцы! Пράвильно! — хвáлит Суворóв.

Пришлó время сдержáть Суворóву дáнное слóво. Решил он назначить стáршим над клáс-сом вмéсто Ню́ты Ры́ндина.

Тóлько ребята вдруг запротíвились:

Пусть остаётся Ню́та.

Ню́та!

Ню́та! — понеслóсь с рáзных сторóн.

Усмехну́лся Суворóв, пора́довался. Хоть и мáлые ребята, а пóняли, что прав был Суворóв, назначив Ню́ту за стáршего, что лúчного стáр-шего им и не нáдо.

ШТЫК

Кáк-то Суворóв гостил у своего́ приятеля в Новгородской губéрнии. Вечерáми друзья сидéли дóма, вспомина́ли стáрых товáрищей, бои́ и похóды. А днём Суворóв отправля́лся побродить по лéсу, посмотре́ть на окрúгу. Здесь в лесу́, у стáрого дуба, он и встрéтил мáльчика Сáньку Вы́дрина.

— Ты, дяденька, солдáт? — обрати́лся Сáнька к Суворóву.

— Солдáт, — отве́тил фельдмáршал.

— Откуда идёшь?

— С войны.

— Расскажи про Суворова.

Фельдмаршал сощурил глаза, хитро глянул на мальчика:

— Про какого это ещё про Суворова?

— Не знаешь? Ну, про того, что с турками воевал. Что Измаил брал. Про фельдмаршала.

— Нет,— говорит Суворов,— не знаю.

— Какой же ты солдат,— усмехнулся Саныка,— раз не знаешь Суворова! — Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски: — «Ура! За мной! Чудо-богатыри, вперёд!»

Бегает Саныка вокруг фельдмаршала, всё норовит пырнуть Суворова палкой в живот.

«Вот так мальчишка!» — подивился Суворов. А самому приятно, что и имя его и дела детям и тем известны.

Наконец Саныка успокоился, сунул палку за пояс, проговорил:

— Дяденька, подарь штык.

— Зачем тебе штык?

— В войну играть. Неприятеля бить.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Так ведь нет у меня штыка.

— Не брешь, не брешь,— говорит Саныка. — Не может так, чтобы солдат — и штыка не было.

— Видит бог, нет,— уверяет Суворов и разводит руками.

— А ты принеси,— не унимается Саныка.

И до того пристал, что ничего другого Суворову не оставалось, как пообещать штык.

Прибежал на следующий день Сенька в лес к старому дубу, прождал до самого вечера, да только «солдат» больше не появлялся.

«Брехливый! — ругнулся Сенька. — Никудышный, видно, солдат».

А через несколько дней к Сенькиной избе подскочил верховой, вызвал мальчика, передал свёрток.

— От фельдмаршала Суворова, — проговорил.

Разинулся от неожиданности Сенькин рот, да так и остался. Стоит мальчик, смотрит на свёрток, не верит ни глазам своим, ни ушам. Да разве может такое статься, чтобы сам фельдмаршал к Сеньке прислал посыльного!

Набежали к выдринской избе мужики и бабы, слетелись мальчишки, прискакал на одной ноге инвалид Качкин.

— Разворачивай! Разворачивай! — кричат мужики.

Развернул Сенька дрожащими руками свёрток — штык.

— Суворовский, непобедимый! — закричал Качкин.

— Господи, штык, настоящий! — перекрестились бабы.

— Покажи, покажи! — потянулись мальчишки.

К этому времени Сенька пришёл в себя. И рот закрылся. И руки дрожать перестали.

Догад́ался. Рассказ́ал он про встр́ечу в лесу́ отцу́, ма́тери, и ребя́там, и Ка́чкину, и всем мужика́м и ба́бам.

Не́сколько лет во всех подро́бностях рассказывал Са́нька про встр́ечу с Суво́ровым. А штык?

Бо́льше всего́ на све́те Са́нька берёг суворо́вский штык. Спать без штыка́ не лож́ился, чехо́л ему́ сшил, чи́стил, нос́ил за собо́й, как драгоценную но́шу. А когда́ Са́нька вы́рос и стал солда́том, он вме́сте со штыко́м уше́л на войну́ и по-суво́ровски бил неприятеля.

ШУ́БА

Подари́ла импера́трица Екате́рина Второ́я Суво́рову шу́бу. Сукно́ заграни́чное. Ме́хом подби́та. Воротни́к из бобра́вой шку́ры. Хоро́шая шу́ба. Одна́ко Суво́рову она́ ни к чему́. Да́же в са́мые лю́тые морозы́ фельдма́ршал одева́лся легко́, по-солда́тски.

Спря́тал бы её Суво́ров на па́мять в сунду́к, да то́лько наказа́ла ца́рица фельдма́ршалу с шу́бой не расстава́ться. Тогда́ Суво́ров поше́л на хитро́сть.

Стал он вози́ть за собо́й Про́шку. Сиди́т Суво́ров в са́нках, ря́дом с фельдма́ршалом — Про́шка, ва́жно де́ржит в рука́х ца́рскую шу́бу. Идёт Суво́ров по у́лице. Сле́дом за ним Про́шка — в рука́х шу́ба.

Мо́жет быть, так до са́мой сме́рти сво́ей и таска́лся бы Про́шка с шу́бой, е́сли бы вдруг кто́-то не донёс про суворо́вское непослуша́ние импера́трице.

Разгне́валась Екате́рина Второ́я, приказа́ла позва́ть Суво́рова.

— Ты что же! — говорит. — Тебѣ что же, мѣлость царская не по нутрѣ?

— Помѣлуй бог! — воскликнул Суворов. — По нутрѣ, матушка. По нутрѣ. Премного обязан.

— Ослушником стал! — укоряет царица. — Волю монаршую попираешь!

— Никак нет, — оправдывается Суворов. — Я же солдат, матушка. Мне ли, как барчукѣ, нежиться! А про непослушание это кто-то по злобе донёс. Шуба всегда при мне. Как же. К ней Прощка специально приставлен... Прощка! Прощка! — позвал фельдмаршал.

Входит Прощка — приносит шубу.

Рассмеялась царица.

— Ладно, — сказала, — бог с тобой. Твоя шуба, твоя и воля. Не насилую. Поступай как хочешь.

Подумал Суворов и отдал царскую шубу Прощке.

— На, — говорит. — Ты до теплѣ любитель. Носи. Благодарѣ матушку-государыню.

За «теплѣ» Прощка обиделся. Однако шубе обрадовался.

Только недолго пробылѣ шуба у Прощки. Походилѣ несколько дней, похвастал перед солдатами, а потом вместе с друзьями-приятелями пропил её за здоровье фельдмаршала.

ПРО КОРМ И ХВАСТЛИВЫХ ПОМЕЩИКОВ

Суворовская армия стояла на отдыхе в одной из южных губерний. Время было осеннее. С прокормом неважно. Особенно для лошадей.

Суворов нещадно ругал своих интендантов, писал прошения губернским начальникам, но дело не двигалось.

А тут ко все́му постоянно надоеда́ли ме́стные поме́щики. Приезжа́ли посмотре́ть на Суво́рова, и ка́ждый непреме́нно приглаша́л фельдма́ршала в го́сти.

Ездить же Суво́ров по гостя́м не любя́л и все́м отвеча́л:

— Не могу́. Не могу́. За́нят!

Приезжа́ли поме́щики на тро́йках, четве́рках. Ко́ни у все́х ре́звые, сы́тые. Ка́ждый пыта́лся похва́стать, пусти́ть пы́ль в глаза́ — вот, мол, ка́кой он бога́тый. А поме́щик Сопе́лкин прие́хал да́же на це́лой восьме́рке лошаде́й, запряже́нных цу́гом. Реши́л все́х превзойти́. Поду́мал: тако́му-то Суво́ров уж не отка́жет.

Гля́нул фельдма́ршал на сопе́лкинскую восьме́рку, задума́лся и вдруг действи́тельно согла́сился.

На сле́дующий де́нь прика́зал Суво́ров собра́ть со все́й а́рмии во́семьдесят са́мых то́щих лошаде́й и запря́чь их цу́гом в одну́ коля́ску. Запрягли́. Усе́лся Суво́ров в коля́ску, пое́хал в го́сти.

Растяну́лся фельдма́ршальский по́езд на полве́рсты. Переступи́ли пе́рвые па́ры че́рез воро́та сопе́лкинской уса́дбы, а коля́ски с Суво́ровым е́щё и не ви́дно — где́-то за бугро́м та́щится. Заби́ли армее́ские ко́ни все́ ба́рский двор — поверну́ться не́где.

По́нял поме́щик насме́шку Суво́рова, одна́ко смолча́л. Распоряди́лся развести́ коне́й по коню́шням, пригласи́л фельдма́ршала в дом.

Цѣлую недѣлю гостѣл Суворов у Сопѣлкина. Съѣли за это время армейские кони у помещика все запасы овса и сѣна, разжирѣли, поправились.

Простѣлся Суворов. Уѣхал. Вернулся в армию, спрашивает:

— Как корм для лошадей? Есть ли отвѣтъ от губѣрнских начальников?

— Плѣхи делѣ, ваше сѣятельство,— отвѣчают Суворову.— Нет отвѣта от губѣрнских начальников.

Тогда Суворов наказал собрать новых лошадей. И снова поѣхал в гости. На сей раз к помещику Рачкину. Потом ѣздил к Шляндину, потом к Утконосову.

Другіе помещики заволновались. Поняли — разорит их Суворов. Уж и не рады знаменитому гостю. Уж и не приглашают Суворова. А фельдмаршал всё ѣздит и ѣздит.

Кончила армия отдых, ушла в дальние походы. А в южной губернии ещё долго вспоминали Суворова и потешались над хвастливыми помещиками.

ПУДРА — НЕ ПОРОХ

После смерти Екатерины Второ́й русским царём стал её сын, Пáвел Пѣрвый.

Пáвел принялся вводить новые порядки в армии. Не нравилось императору всё русское, любил он всё инострáнное, больше всего немецкое. Вот и решил Пáвел на прусский, то есть немец-

кий, манёр перестроить російскую армию. Солдаты заставили носить длинные косы, на виски наклеивать войлочные бублики, пудрить мукой волосы. Взглянешь на такого солдата — чучело, а не русский солдат.

Принялись солдаты обучать не стрельбе из ружей и штыковому бою, а умению ходить на парадах, чётко отбивать шаг, ловко поворачиваться на каблуках.

Суворов возненавидел новые порядки и часто дурно о них отзывался.

«Русские прусских всегда бивали, чему же у них учиться?» — говорил фельдмаршал.

Однажды Павел Первый пригласил Суворова на парад.

Шли на параде прославленные русские полки. Глянул Суворов и не узнал своих чудобогатырей. Нет ни удали. Нет ни героизма. Идут солдаты, как заводные. Только стук-стук каблуками о мостовую. Только хлесть-хлесть косами по спине.

А император доволен. Стоит, говорит Суворову:

— Гляди, гляди, ещё немного — и совсем не хуже немецких будут.

Скривился Суворов от этих слов, передёрнулся.

— Радость, ваше величество, невелика, — ответил. — Русские прусских всегда бивали. Чем же здесь радоваться?

Император смолчал. Только гневный взор метнул на фельдмаршала. Постоял молча, а затем снова к Суворову:

— Да ты смотри, смотри — косы какие!
А б́укли, б́укли! Какие б́укли!

— Б́укли,— б́уркнул фельдмáршал.

Имперáтор не выдержал. Поверну́лся к Суворову, ткнул на до сих пор не сменённую фельдмáршалом старую русскую форму, закрича́л:

— Заменить! Немедля! Повелева́ю!

Ту́т-то Суворов и произнёс свою знаменитую фразу:

— Пу́дра — не поро́х, б́укли — не пу́шки, ко́са — не теса́к, а я не не́мец, ва́ше вели́чество, а приро́дный руса́к! — и уёхал с пара́да.

Па́вел разгне́вался и отпра́вил упрямого старика в ссылку в село́ Конча́нское.

СУВО́РОЧКА

Была́ у Суворова дочь — Ната́ша. Души́ не ча́ял Суворов в своей Ната́ше. В каких бы дальних походах ни был, всегда́ вспомина́л о ней, писа́л частые пи́сьма, называ́л «душа́ моя́», «ми́лая голу́бушка», а друзья́м говори́л: «Смерть моя́ — для оте́чества, жизнь моя́ — для Ната́ши».

Но вот Ната́ша вы́росла, была́ принята́ при ца́рском дворе́, закрути́лась на ра́зных бала́х и зва́ных приёмах и совсе́м забы́ла отца́.

Грусти́л Суворов в одино́честве. Осóбенно загрусти́л, будучи в ссылке в селе́ Конча́нском. Ре́дко-ре́дко приходи́ли сюда́ пи́сьма из Пи́тера.

А тут привяза́лась к Суворову де́вочка Ка́тя Кала́шникова.

Ходи́ла Ка́тя с Суворовым в лес, навеща́ла Ми́шку, суворовского коня́, жи́вшего здесь в «от-

ста́вке», ла́зила на́ гору Дуби́ху, где среди́ ста́рых дубо́в и ёлей стоя́ла ма́ленькая сторо́жка, в кото́рой люби́л отды́хать и рабо́тать Суво́ров.

Иду́т фельдма́ршал и Ка́тя, веду́т разгово́р.

— Ты ста́ренький,— говори́т Ка́тя.

— Како́й же я ста́ренький? — возража́ет Суво́ров.— Я мо́лод. Смотри́...— и пры́гает, сло́вно ма́льчи́шка, че́рез овра́г.

Ка́тя сме́ется.

— Ты се́денький,— говори́т.

— Не сед я, а рус,—отвеча́ет Суво́ров и мо́лоде́чки встря́хивает ре́денькими сво́ими кудря́ми.

— У теб́я морщи́нки на лбу.

— Ка́кие же э́то морщи́нки? — отш́учивается Суво́ров.— Э́то ли́хие шра́мы.

— Ты не у дел,— заявля́ет Ка́тя.

— Как не у дел! Вот и непра́вда,— уже́ серьё́зно ска́жет Суво́ров.

Возьме́т де́вочку за́ руку и поведёт в лесну́ю сторо́жку. Пересту́пит Ка́тя поро́г — круго́м кни́ги и ка́рты. Гля́нет на ка́рты, а там пла́ны боёв и сраже́ний. Хотя́ и жил Суво́ров в изгна́нии, да вре́мени зря́ не тра́тил, гото́вился к но́вым похода́м.

К о́сени Суво́ров оборо́довал одну́ из ко́мнат конча́нского до́ма под зи́мний сад. В лесу́ вы́копали о́ни вме́сте с Ка́тей мо́лодых со́сенок, берёз и ёлок, посади́ли их в ка́дки, устано́вили в ко́мнате. Потом с конча́нскими ма́льчи́шками налови́ли сини́ц, снегирёй и щегло́в. Назва́ли ко́мнату «пти́чьей го́рницей».

Люби́л Суво́ров си́живать в «пти́чьей го́рнице». Приходи́ла сюда́ и Ка́тя. Сдру́жились о́ни с фельдма́ршалом. Вме́сте следи́ли за пти́цами, дава́ли им во́ду и корм, чи́стили ко́мнату. А потом Ка́тя сади́лась побли́же к Суво́рову, и тот

принимáлся рассказывать ей удивительные истóрии и забáвные скáзки.

Но вот случйлась бедá. Заболéла Кáтя тяжёлой болéзнью — óспой. Заболéла и не попрáвилась.

Осиротéла «птйчья гóрница».

Срáзу же по веснé Суворов вьпустил птиц на волю. А сóсенки, берёзки и ёлки наказáл вьсадить рýдом с Кáтиной могйлкой. Деревцá разрослйсь. Появйлась рóщица. Чáсто приходйл сюдá Суворов, мóлча стоял и о чём-то думáл. Мóжет, о Кáте. Мóжет, и о Натáше.

А Натáша по-прéжнему жилá в Пйтере, ёздила по рáзным вечерáм и балáм и совсём перестáла писáть в Кончáнское.

НИКОЛА́ЕВ

В селé Кончáнском Суворов находйлся под надзóром прйстава Никола́ева.

Доставáлось Суворову от Никола́ева. Стрóго соблюдáл прйстав режймные прáвила: пйсьма вскрывáл фельдмáршала, доносйл о тех, кто посещáл опáльного полковóдца, следйл, чтóбы Суворов не отлучáлся в сосéдние сёла.

Едвá Суворов кудá-нибудь собираётся:

— Не вéлено, вáше сйятельство, не вéлено! — кричйт Никола́ев и задёрживает лошадей.

Напрáвится Суворов с кончáнскими мальчйшками в лес по грибй йли ягоды, и Никола́ев тут как тýt, возьмёт лукóшко, идёт слéдом: «Ну как фельдмáршал удрáть собрался!»

Никола́ев гордйлся своим положёнием.

— Служба у меня немáлая,— говорйл он крестья́нам,— сам фельдмáршал у меня в подчинёнии.

— П^ра^вда. П^ра^вда твоя,— соглашались крестьяне.— М^ожет, тебѣ ещё и награду дадут за усердие.

При таких словах пристав широко улыбался.

— А что? — отвечал.— М^ожет, дадут. Оно по заслугам.

И дали.

Когда Суворов был снова призван в армию, император П^авел П^ервый стал спрашивать, есть ли какие просьбы у полководца.

— Есть, есть, в^аше величество,— ответил Суворов.— Великая просьба им^еется.

— Говори.

— Был у меня в Кончанском пристав,— произнес Суворов,— исправно, в^аше величество, своё д^ело вёл: письма читал, в П^итер докладывал, никуда из Кончанского не выпускал. За подобное усердие достоин высочайшей награды.

Император не понял насмешки фельдмаршала и наградил Николаева.

Глава III.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

В Италии против французов русские войска сражались вместе с австрийцами.

И среди австрийцев было много героев. И все же русские солдаты были более смелыми, более стойкими и выносливыми. Во всем мире не было армии лучше суворовской.

После разгрома французов в Италии Суворов получил приказ провести свою армию через Альпийские горы и прийти на помощь русским и австрийцам, сражавшимся против французов в Швейцарии.

Осенью 1799 года семидесятилетний Суворов выступил в свой последний поход. В пути выяснилось, что войска, к которым торопился Суворов, разбиты. Без снаряжения и продовольствия, далеко от родины, в непроходимых горах. Суворов остался один, лицом к лицу перед огромной армией неприятеля.

Казалось, русским грозит неизбежная гибель. Суворов спас русскую армию.

Про героический Альпийский поход, про великий подвиг суворовских чудо-богатырей ты и прочитаешь в третьей, последней главе этой книги.

АЛЬПІЙСКІЕ ГОРЫ

Высокі Альпійскіе горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпійскіе горы, через пропасти и стремнины вёл в последний поход своих чудосолдат Суворов.

Трудно солдатам в походе. Выюга. Снегопад. Непогода. Путь дальний, неведанный. Горы. Холодно, голодно солдатам в пути. Идут, скользят, срываются в пропасти. Тащат тяжёлые пушки, несут поотмороженных и хворых своих товарищей.

А кругом неприятель. Пройдут солдаты версту — бой. Пройдут ещё несколько — бой.

Пробивается русская армия сквозь горы и неприятеля. Совершает Альпійский поход.

Трудно солдатам в походе. В середине пути один из полков не выдержал.

— Куда нас завели? — зароптали солдаты. — Не пойдём дальше!

— Суворов из ума выжил!

— Назад! Поворачивай! Назад!

К полку подъехал Суворов.

— Хорошó, — произнёс фельдмаршал. — Ступайте. Не нужны мне такие солдаты. Не русские вы. Ступайте.

— Как так — не русские! — возмущились солдаты.

— Русский всё одолеет. Русскому всё ни почём! — ответил Суворов. — Прощайте. — Повернул коня и молча поехал в горы.

Солдаты опешили. Не ожидали такого.

— Братцы! — выкрикнул кто-то. — Да что же это, а? Братцы! Мы ли не русские?!

— Русские! Русские! — понеслись голоса.

Зашумели солдаты, задвигались, подхватили ружья, подняли носилки с ранеными и нестройно, торопясь и толкаясь, бросились вслед за фельдмаршалом.

Высокие Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вёл своих чудо-солдат фельдмаршал Суворов.

ИДУТ СОЛДАТЫ, ВЕДУТ РАЗГОВОР

Идут солдаты, ведут разговор.
— Оно бы ничего,— рассуждают солдаты.— Горы не страшны. Французы страшны. Если и будет наша погибель, так только от неприятеля.

И вдруг...

— К бою! К бою! — прошла команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утёс, кто за скалу. Залегли. Ждут неприятеля. Вот и французы. Тра-та-та-та! Тра-та-та-та! — несётся со всех сторон.

— Братцы, не робей! Ура! Держись, братцы! Удержались солдаты. Отступили французы. Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего,— рассуждают солдаты.— Французы не страшны. Горы страшны. Если и будет наша погибель, так только от гор, непогоды.

И вдруг...

Заиграла, засвистела, забушевала метель. Рванул леденящий ветер. Обрушилась с гор лавина.

— Берегись! Сторонись! — несётся команда.

Рассыпались солдаты по горной дороге, кто за утёс, кто за скалу. Залегли. Ждут. Пронеслись камни. Отгремела лавина. Прояснилось небо. Притихла метель.

Идут солдаты, ведут разговор.

— Оно бы ничего,— рассуждают солдаты.— Французы не страшны. Горы не страшны. Если и будет наша погибель, так только от мора, от голода.

И вот кончилась еда.
Нет провианта.

Помрачнели солдаты.
Насупились. Идут, опусти-
лись солдатские головы.

И вдруг...

Наше времечко военно,—
затянул чей-то голос,—

От покоя удаленно.
Ой лю-ли, ой лю-ли,
От покоя удаленно.

Приободрились солда-
ты. Затянули ремни поту-
же. Повеселели. Идут.
Подняли солдатские го-
ловы.

Сидит Суворов верхом
на коне, смотрит, лю-
буется.

— Братцы! — кричит
Суворов. — Не страшны
нам горы Альпийские. Не
страшны нам французские

ки близкие. Что нам голод, мор, непогода — раз в российских войсках дух солдатский не переводится.

— Ура! — гремит в ответ на слова фельдмаршала.

И снова разносится песня:

С предводителем таким
Всё на свете победим,
Ой лю-ли, ой лю-ли.
Всё на свете победим!

Двигается. Двигается. Двигается. По горным вершинам, по тёмным ущельям, в облаках, в туман, в непогоду, от обрыва к обрыву, со скалы на скалу. Двигается. Двигается. Двигается. Не остановишь российскую армию. Пробиваются солдаты сквозь горы и неприятеля. Совершают Альпийский поход.

ТУЧА

Сен-Готард. Узкая, извилистая тропка ведёт к перевалу. А там, по ту сторону гор, новые горы, новые тропы, новые пропасти и стремнины.

Неприступной вершиной стал Сен-Готард на пути у русских. Укрепились на перевале французские войска, перекрыли дорогу.

Дважды ходили солдаты на штурм и дважды были отбиты.

Суворов приказал штурмовать в третий раз.

ВЫделил фельдмáршал грóппу солдáт для обхóдного манёвра. Назнáчил стáршим молодóго генерáла, любímца своего, князя Петра́ Багратиóна.

— Ну, с бóгом,— перекрестíл их Суворóв.

Поползлí солдáты по устúпам и скáлам в обхóд Сен-Готáрда, так, чтóбы удáрить протíвнику в спíну. Поднялíсь ужé до сáмых вершíн, да тóлько бýли замéчены вдруг францúзами. Открýли францúзские стрелкí урагáнный огóнь. Остановíли рúсских. Сорвалась атáка. Отдал Багратиóн прикáz спускáться назáд. Сползáют солдáты вниз по отвéсным скáлам. Не торóпятся, знáют — не похвáлит Суворóв.

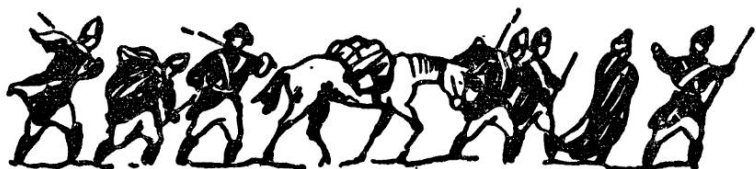
И прáвда. Скинóл фельдмáршал шлýпу, мáшет, кричít чтó-то Багратиóну. Вздрагивает на головé суворóвский хохолóк, слóвно и он, как фельдмáршал, гнёвается.

— Шíбче, шíбче спуска́йся! — кричít Суворóв и тýчет шлýпой в хмýрое нéбо.

Смóтрят солдáты — наплывáет из-за гор на Сен-Готáрд чёрная тúча. Смóтит на тúчу и Багратиóн, однáко не торóпит солдáт спускáться. Обволоклá тúча устúпы и скáлы, скрýла рúсских солдáт.

— Побьúтся, побьúтся в тумáне,— бранíтся Суворóв.— Эх, мéдленно, не по-мóему вóдит войскá Багратиóн!

Волнúется фельдмáршал. Прождáл нéсколько минúт:

— Ну как, не вернётся князь Пётр?

— Нет, не вернётся ещё,— докладывают Суворову.

Прошло ещё несколько минут.

— Ну как, не вернётся?

— Нет, ваше сиятельство.

Прошло минут тридцать, и вдруг там, на самом верху, у самого перевала, поднялась страшная стрельба, всколыхнуло перевальную тишь знакомое солдатскому уху «ура».

Насторожился Суворов.

— Ура! Ура! — несётся на перевале.

«Неужто Багратион?!» — недоумевает уворов. И хочется верить, и трудно поверить!

Туча тем временем переползла через горы, свернула в долину и открыла перед Суворовым Сен-Готард. Глянул фельдмаршал — так и есть: на вершине Багратион со своими солдатами.

— Вперёд! — закричал Суворов.

Ринулись солдаты в лобовую атаку. Оказались французы зажатыми с двух сторон: сверху и снизу. Не удержались. Бежали французы.

Поднялся Суворов на Сен-Готард, доволен.

— Так их! Правильно! — приговаривает. — Противник не ждёт. А ты из-за гор высоких, из-за лесов дремучих, через топи, через болота, прямо из туч пади на него, как снег на голову.

Ура! Бей! Коли! Руби! Так его! Молодец, князь Пётр! — повернулся Суворов к Багратиону. — Эн нет, гляжу, по-нашему поступаешь! — и расцеловал генерала.

ЧЕРТОВ МОСТ

Преодолев Сен-Готард, русские спустились в ущелье Рейсы. Бежит непокорная Рейса, пенится, клокочет, ударяет волной в высокие берега, наполняет гулом и ревом округу. Отдает десятикратным эхом в горах.

Жутко здесь путнику, жутко тут зверю, редкая птица слетит в ущелье.

Через Рейсу на высоте тридцати метров перекинута узкая каменная арка. Сотрясается арка от рева реки. Зловеще повисла над пропастью.

Недобрые это места. Чертов мост — перед русскими.

Взорвали французы центральную часть моста, засели по ту сторону Рейсы.

Брѳосились пѳрвые смельчаки на мост, но тут же свалились, сражѳнные пѳлями, в пропасть. Брѳсилась нѳвая грѳппа героѳев. Достѳгли пролѳма. Не перепрыгнешь пролѳм. Остановѳлись. Скосили мѳткие францѳзские стрелки рѳсских героѳев. Рѳнулся нѳвый отряд. Снѳва погѳбель.

Остановѳлась атака.

Сидѳт Суворѳв верхѳм на казѳцком конѳ, смѳтрит на мост, на солдѳт, на врѳжеский бѳрег. Понимѳет: скѳлько ни бѳгай солдѳты — не быть им на том берегѳ, не задѳлав в мостѳ пролѳма. Замечѳет фельдмѳршал мѳтрах в ста от дорѳги — стоѳит невѳсть для чѳго пострѳенный здѳсь сарѳй. «Разобрѳть бы сарѳй, связѳть брѳвна и перебрѳсить чѳрез пролѳм», — соображѳет Суворѳв. Тѳлько подѳмал, смѳтрит — от другѳх отдѳляется тѳщий рябовѳтый солдѳт, чѳто-то мѳшет товѳрищам и несѳтся к сарѳю. Брѳсились вслѳд грѳнадѳры, взобрѳлись на крышу, стѳли растѳскивать брѳвна. Наблюдѳет Суворѳв, видѳт: снимѳет тѳщий солдѳт пояснѳй ремѳнь. За ним и другѳе снимѳют. Связѳли, стянѳли ремнѳми солдѳты брѳвна, пѳдняли, поволоклѳ к пролѳму.

«Мѳдрѳя головѳ», — подѳмал фельдмѳршал о тѳшем солдѳте. Довѳлен Суворѳв солдѳтской смекалкѳй.

Правнѳлись солдѳты с мостѳм. Вѳть, вѳть! — засвистѳли францѳзские пѳли.

Залегли смельчаки за брёвна. Переждали. Опять поднялись. Только не все. Половина убитых. Тощий, однако, поднялся. Ступили солдаты шаг, второй, и снова французские пули. И снова солдат наполовину уменьшилось.

Опять залегли. Опять переждали. Поднялись. Снова огонь. И вот в живых только три человека. Снова залп — два человека. Снова — один. Смотрит Суворов: только тощий солдат и остался.

Не поднять солдату тяжёлые брёвна. Лёг он, толкает перед собой, пытается сдвинуть. Поднатужился, сдвинулись брёвна чуть-чуть — на вершок. Опять поднатужился — ещё на вершок.

— Герой! Молодец! — не удержался Суворов. — К герою на помощь! — кричит солдатам.

Бросились солдаты на помощь. Подбежали, схватили брёвна — к пролому. Внеслись солдаты волной на мост. Брякнула, легла связка над пропастью. Откатились солдаты.

Смотрит Суворов, а тощий солдат на мосту. Стоит на брёвнах, повернулся к своим, машет рукой. Развеивает ветер солдатский кафтан, треплет рыжеватые кудри. Обдаёт непокорная Рейса солдата пеной и брызгами.

Больше героя фельдмаршал не видел. Зарыбли перед глазами Суворова солдатские спины. Хлынули гранатёры грозным потоком на мост. Заходило, заколыхалось солдатское море. Вот уже первые на той стороне. Вот уже и победное «ура» несётся в ущелье. Разбегаются, отходят французы.

Отгремел бой. Чёртов мост позади. Остановились войска на отдых.

— Как звать героя? — стал интересоваться Суворов тощим солдатом.

— Мóхов, Кири́лл Мóхов, ва́ше сия́тельство. Гренаде́р Апше́ро́нского пехо́тного полка́, ро́ты капита́на Лу́кова.

— Уда́лец! Уда́лец! — восхища́ется Суво́ров.— Перепра́ву навёл, мост сооруди́л. Бога́тырь! Вѣ́тязь! Позва́ть уда́льца!

— Мóхов! Мóхов! — зову́т солда́ты.

Не отклика́ется Мóхов.

Лежи́т солда́т на дне про́пасти. Не слы́шит. Не ви́дит. Свали́ли солда́та францу́зские пу́ли. Разби́лся о ка́мни. Не бы́ется бо́льше сме́лое се́рдце солда́тское.

Поги́б гренаде́р, а сла́ва оста́лась.

Соберу́тся солда́ты, начну́т вспоми́нать бой и похóды, вспо́мнят и Че́ртов мост. Вспо́мнят Че́ртов мост, вспо́мнят и Мóхова:

— Если б не Мóхов, е́сли б не он — не вида́ть нам побе́ды. До́брое сло́во и па́мять ему́ вели́кая.

ГЕНЕРА́ЛЬСКИЙ ПОГОН

Иду́т войска́, пробива́ются че́рез но́вые го́ры, че́рез но́вые перева́лы. Прорвали́сь к Муте́нской доли́не — тут рокова́я весть: полки́, к кото́рым торопи́лся Суво́ров, разби́ты.

Францу́зский полково́дец Массе́на бро́сил тепе́рь основны́е си́лы про́тив Суво́рова. Си́лы нера́вны. У Массе́на в четы́ре ра́за бо́льше солда́т, чем у Суво́рова. И всё же Суво́ров реши́л пе́рвым нача́ть ата́ку.

Сло́вно го́рная лави́на, обру́шились ру́сские на францу́зов. Полки́ Апше́ро́нский и Азо́вский, казаки́ генерала́ Гре́кова врэ́зались в проти́вника с тако́й си́лой, что францу́зы не вы́держали и побежа́ли.

Мéчется Массенá среди своих войск, кричѣтъ, пытáется останоѵѣть. Не помогаёт. Бегѣтъ францѣзы, дáвят друг дрѣга, зажáли в своѣй толпѣ самого Массенá.

— Стоѣте! Стоѣте! — кричѣтъ генерáл.

Вмѣсте со всѣми врѣзался во францѣзские ряды и капрáл Махóтин. Вѣдит — генерáл на конѣ. Стал Махóтин пробивáться к Массенá. Пробѣлся и сдѣрнул Массенá с коня. «Ну, брáтец, тепѣрь не уйдѣшь. Тепѣрь я тебя под мышку!» Рáдуется Махóтин и вдруг вѣдит у сáмого своего нóса неприятельский штык. Ктó-то из францѣзских солдáт брóсился на пóмощь своему генерáлу. Отбѣл Махóтин штык, повалѣл, пришѣб приклáдом францѣза. Повернѣлся опяť к Массенá. А тот ужѣ на конѣ. Рванѣлся капрáл к генерáлу. Ухватѣлся рукóй за плечó. Соскользнѣла рукá. Пришпóрил коня Массенá. Вѣнес рысáк генерáла из бѣтвы.

— Держѣ! Держѣ его! — кричѣтъ Махóтин.

Да где уж! Быстрѣе вѣтра ухóдит Массенá. Стоѣт капрáл, смóтит сожалѣючи вслед. Стоѣт и не замечáет, что у самого в зажáтой рукѣ генерáльский погóн. Посмотрѣл нá руку — прáвда погóн.

Стѣдно стáло капрáлу, что упустил Массенá. Решѣл про погóн никóму не рассказывать. А потóм пóсле бѣтвы всѣ же проговорѣлся.

— Так ты же герóй! — закричáли солдáты.

Дивѣтся, рассмáтривают солдáты генерáльский погóн. Потóм поднялѣсь, пошлѣ, рассказáли рóтному командѣру, командѣр — генерáлу, генерáл — Суворóву.

На слѣдующий день пѣред войскáми был объáвлен прикáz фельдмáршала о производстве Махóтина в офицѣры.

— Ура Махотину! — кричат солдаты. Довольны, что свой брат в офицеры выбился. А офицеры насупились — ни радости, ни улыбки. Обидно их благородиям.

После прочтения приказа выделили офицеры из своей среды поручика, капитана и полковника, послали к Суворову.

— Как же так, ваше сиятельство, за какие заслуги? — говорят офицеры. — Подумаешь, генеральский погон. Вот если б он живого Массена привёл.

Посмотрел Суворов на офицеров, поманил к себе пальцем поручика:

— Хочешь быть капитаном?

Подивился поручик такому вопросу, подумал: а вдруг и вправду соблаговолит Суворов.

— Так если ваша воля на то, — произнёс и пригнулся.

Поманил Суворов капитана:

— Хочешь быть полковником?

— Как же не хотеть, ваше сиятельство! — ответил капитан и тоже пригнулся.

Позвал Суворов полковника:

— Желаете быть генералом?

— Не смею просить. Всё от бога и вашего сиятельства, — гаркнул полковник.

— Принесите мне второй погон от Массена — быть и вам в повышении, — произнёс Суворов.

Сконфузились офицеры. Повернулись. Ушли.

А Суворов ещё долго не мог успокоиться.

— За какие заслуги! — выкрикивал он. — Ишь ты! За доблесть солдатскую — вот за какие заслуги.

РОТА КАПИТАНА СМЕЛОГО

После каждого боя Суворов интересовался, какие войска были первыми, какие отличались больше других.

Так было и после штурма Сен-Готарда.

— Ступай разузнай, — послал Суворов своего адъютанта.

Адъютант долго ходил, расспрашивал, выяснял, однако без толку. Одни говорят — апшеронцы, другие — азовцы. «Гренадеры Багратиона», — утверждают третьи. «Нет, казаки Грекова», — доказывают четвертые. Обходит суворовский посланец войска, никак не добьётся истины. Все были на перевале.

И вдруг адъютанта окликнул какой-то солдат:

— Хочешь знать без ошибки?

— Говори же скорей!

— Рота капитана Смелого, вот кто был первым, — ответил солдат.

— Рота капитана Смелого, — доложил адъютант Суворову.

— Так, молодцы! — произнёс фельдмаршал.

После перехода через Чёртов мост Суворов снова заинтересовался, кто был первым.

Адъютант опять долго ходил по войскам, наконец пришёл, доложил:

— Рота капитана Смелого, ваше сиятельство.

— Молодцы, герои! — похвалил Суворов.

После битвы с Массена фельдмаршал снова стал выяснять героев.

— Рота капитана Смелого, — услышал в ответ.

— Вот так рота! — подивился Суворов.

Приказал он позвать к себе капитана Смелого.

Стали искать. Выяснилось, что никакого капитана Смелого и роты такой во всей суворовской армии нет.

— Ах ты шельмец! — рассердился Суворов.

Вызвал адъютанта:

— Ты что же неправду доносишь?!

— Как — неправду! — обиделся адъютант. — Я, ваше сиятельство, к солдатам ходил. Они врать не станут. И при Сен-Готарде, и на Чёртовом мосту, и в деле с Массена — всюду была первая рота капитана Смелого.

— Ах вон оно что! — усмехнулся Суворов. — Ну, ступай, ещё раз поговори с солдатами.

Прибегает адъютант к солдатам:

— Где же ваша рота? Где капитан?

— Капитана, пожалуй, и нет, — отвечают солдаты, а рота есть. Как же, есть! Она и в Апшеронском пехотном полку, и в Азовском гренадерском полку, и в бригаде князя Багратиона, и среди казаков генерала Грекова, — перечисляют солдаты.

Вытянулось от удивления адъютантово лицо — что за чушь говорят солдаты.

А дело в простом. Трудно при Сен-Готарде отличить, какие войска в первых, какие в последних. Перемешались тогда полки и роты на пере-

в́але — все в пёрвых. Вот ктó-то из солд́ат и придумал про роту капит́ана См́елого. В́думка солд́атам пòнравилась. Ст́али он́и с той поры с́амых отв́ажных назыв́ать эт́им и́менем. Так и пошл́о. Отлич́атся апшерóнцы.

— Так этó же рóта капит́ана См́елого! — крич́ат солд́аты.

Отлич́атся азóвцы.

— Рóта См́елого!.. См́елого!.. См́елого!.. — несётся в войс́ках.

Отлич́атся гренадёры Баграти́она и́ли казаки́ Грёкова, а солд́аты оп́ять своё:

— Рóта См́елого. Ей почёт, ей и сл́ава.

Понравилась Суворóву солд́атская в́думка. Стал и он по-солд́атски. Зайдёт разгово́р, когó посыла́ть на оп́асное де́ло.

— Посыла́йте достóйных, — говор́ит фельд-маршал. — Богатырёй. Лу́чше всего́ тех, кто из роты солд́атского капит́ана.

НОВЫЕ БАШМАКИ

Оборвали́сь в пу́ти солд́аты. Изодра́ли мунди́ры, изб́или башмаки́ на го́рных доро́гах. Ст́ынут солд́аты от хо́лода. Жму́тся на ночёвках к костра́м, гре́ют оз́ябшие ру́ки и спи́ны.

Не лúчше другúх и Прóхору Гру́ше. Мундír — решето́. Башмаки́ без подо́швы. Ступаёт солда́т го́лыми пýтками по ка́мням, впи́ваются ка́мни в те́ло.

Обвя́жет Прóхор тря́пками но́ги. Пройдёт версту́, от тряпок — моча́ло. Залата́ет мундír. К ве́черу — сно́ва ре́бра на́ружу.

Измýчился солда́т: жизнь не ми́ла, не́бо в овчи́нку.

И вот Гру́ша куда́-то исче́з, недосчита́лись его́ на прива́ле.

— Эхма́! Вида́ть, осту́пился, сорва́лся в про́пасть, — перекрести́лись солда́ты.

А у́тром Прóхор яви́лся. Гля́нули приятели — не узнáть Гру́ши. Красáвец солда́т пе́ред ни́ми. Но́вый мундír, башмаки́ но́вые.

Мундír и башмаки́ бы́ли францу́зские.

Щу́пают солда́ты мундír. Ай да мундír! Сукно́ в полпа́льца. Ва́той подби́то.

— Но́гу задери́, но́гу! — про́сят солда́ты.

Поды́мет Прóхор но́гу. Ну и башмаки́! Из реме́нной ко́жи, подо́шва что ста́ль, шипа́ми по́крыта.

— Вот так обно́ва! — восхища́ются солда́ты. — Век бы ходи́ть по ка́мням и сту́же.

— Где доста́л? — понесли́сь голосо́а.

— Ника́к, дружо́в нашёл у францу́зов!

— Тёщу завёл,— смеются солдаты.

Рассказа́л Про́хор, что ходи́л он к французскому ла́герю, подкра́лся, снял часово́го — вот и разжи́лся.

Зави́дно ста́ло солдата́м. В сле́дующую ночь уже́ не́сколько челове́к отпра́вились за добы́чей. Одна́ко наза́д никто́ не верну́лся. Францу́зы уси́лили карау́л и переби́ли пришельцев.

Так и оста́лся Про́хор Гру́ша оди́н во французской обно́ве.

Походи́л день, второ́й, а пото́м неловко ста́ло солдату. Среди́ своих и сло́вно не свой. Сло́вно среди́ простых петухо́в — па́ва.

Не рад уже́ Гру́ша теплу́ и удо́бству. Не мил ему́ ни французский кафта́н, ни башмаки́ из реме́нной ко́жи. Стал он предлага́ть трофе́и товари́щам: одному́ башмаки́, друго́му мунди́р.

Отка́зываются, не беру́т, не хотят солдаты.

— Ты раздобыл, ты и носи́,— отвеча́ют Про́хору.

Говоря́т солдаты́ без зла, без за́висти, просто неудобно́ им брать доро́гой трофе́й у товари́ща. А Гру́ше ка́жется, что солдаты́ его́ сторо́нятся, что из-за э́тих, будь они́ про́кляты, башмако́в и мунди́ра теря́ет Про́хор ве́рных друзе́й и прия́телей.

Проше́л ещё́ день. Про́клял Гру́ша французский наряд. Снял мунди́р, снял башмаки́, связа́л бечевой. Раскрути́л и запусти́л в бездо́нную про́пасть.

Солдаты́ шумно́ обсужда́ли посту́пок Про́хора Гру́ши.

— Дура́к,— проговорил кто́-то.

— Эх ты, мыш́иный поме́т,— оборва́ли его́ солда́ты.— Пра́вильно сде́лал. Молоде́ц Гру́ша. Же́лает как все.

— Молоде́ц! — подтверди́л седу́сый капра́л.— Мо́жет, и погорячи́лся Про́хор, да, вида́ть, душа́ у него́ солда́тская.

САЛО

Го́лодно солда́там в походе́. Сухари́ от нена́стной пого́ды размо́кли и сгни́ли. Швейца́рские селёния ре́дки и бедны́. Ели лошаде́й, копа́ли корёнья в доли́нах. А когда́ ко́нчились корёнья и ло́шади, взя́лись за ко́нские шку́ры.

Исхуда́ли, изголода́лись вконе́ц солда́ты. Затяну́ли ремни́ на послéдние ды́рки. Иду́т, вздыха́ют, воспомина́ют, как па́хнут щи, как та́ет на зубáх ка́ша.

— Хоть бы карава́й хлéба! — вздыха́ют солда́ты.— Хоть бы са́ла кусо́к!

И вдруг в како́й-то го́рной избе́ солда́ты и впрямь раздобы́ли кусо́к настоя́щего са́ла. Кусо́к ма́ленький, разме́ром с ладо́шку. Обступили́ его́ солда́ты. Глаза́ блестя́т, но́здри раздува́ются.

Реши́ли солда́ты са́ло де́лить и вдруг приза́думались: как же его́ де́лить — тут впо́ру одному́ бы нае́сться.

Зашумели́ солда́ты.

— Дава́й по жре́бию,— предлага́ет оди́н.

— Пусть съест тот, кто нашёл пе́рвым,— возража́ет второ́й.

— Нет, так — чтоб ка́ждому, ка́ждому! — кричи́т тре́тий.

Спо́рят солда́ты.

И вдруг кто́-то произне́с:

— Брѣтцы, а я дѣлаю так: отдадимъ-ка сѣло Суворову.

— Правильно! Суворову! Суворову! — понесли голосѣ.

Позвали солдаты суворовскаго денщика Прѣшку, отдали ему сѣло, наказали вручить фельдмаршалу.

Довольны солдаты. И Прѣшка доволен. Стал прикидывать, надолго ли сѣла хватит. Решил: если отрезать в день кусокъ толщиной с палецъ, какъ разъ на недѣлю получится.

Явился Прѣшка къ Суворову.

Сѣло?! подивился тотъ. — Откуда такое?

Прѣшка и рассказалъ про солдатъ. Мол, солдатскій гостинецъ.

— Дѣти, богатыри! — прослезился Суворовъ. Потомъ повернулся къ Прѣшке и вдругъ закричалъ: Да какъ ты взялъ! Да какъ ты посмѣлъ! Солдатамъ конскіе шкуры, а мнѣ сѣло...

— Такъ на то они и солдаты, — стал оправдываться Прѣшка.

— Что — солдаты? — не утихаетъ Суворовъ. — Солдатъ мнѣ дороже себя. Немедля ступай, верни сѣло. Да спасибо скажи. В ноги поклонись солдатамъ.

— Такъ они же сами прислали, — упирается Прѣшка. — Да что для нихъ сѣло с ладонь! Тутъ лизнуть каждому мало. Вонъ ихъ сколько, а сѣла какъ разъ на одну персону.

Глянулъ Суворовъ на сѣло. Правда, кусокъ великъ.

— Хорошо, — согласился Суворовъ. — Ступай тогда в санитарную палатку, отнеси раненымъ.

Однако Прѣшка снова уперся.

Раненымъ?! Да куда имъ сѣло? Да имъ помирать пора!

— Бессты́жая ду́ша твоя́! — заревёл Суво́ров и потяну́лся за плёткой.

По́нял Про́шка, что де́ло мо́жет дурны́м ко́нчиться. Подхвати́л са́ло и помча́лся к санита́рной пала́тке. На сле́дующий де́нь солда́ты повстре́чали Про́шку.

— Ну, как са́ло? — спра́шивают. — Ел ли фельдма́ршал? Что говори́л?

То́лько Про́шка собра́лся откры́ть рот, а тут ря́дом появи́лся Суво́ров.

— Дётушки! — произнёс. — Богаты́ри! Отме́нное са́ло. С де́тства не еда́л тако́го. Стари́ковское вам спа́сибо! — и ни́зко покло́нился солда́там.

У Про́шки от уди́вления глаза́ на лоб. А солда́ты заулыба́лись, о́тдали фельдма́ршалу че́сть, поверну́лись и напра́вились к себе́ в ро́ту.

— Понра́вилось, — перешёптыва́лись о́ни по пу́ти. — Вон как благода́рил. Са́ло — о́но така́я вещь, что и фельдма́ршалу не помеша́ет.

«ВІЖУ!»

Закончив арьерга́рдный бой с проти́вником и подобра́в ра́неных, ро́та капита́на Лу́кова догоня́ла свои́х.

Идѹт солдаты по узкой тропѣ над самым обрывом пропасти, растянулись почти на верстѹ.

— Не отставай, не отставай! — кричит Лѹков. — Раненых вперед!

Перетащили раненых.

Прошла рота версты две. Стемнѣло. Задѹл вѣтер. Начался снег. Взыграла, закружила метель.

Идѹт солдаты час, идѹт два, идѹт три. Всматривается капитан Лѹков вперед — не видать ли походных костров. Кругом кромешная темнота. Слепит вьюга глазѹ. Трѣплет упругий вѣтер солдатские сюртуки и накидки, задувает снѣжные иголки под воротники и рубѹхи, морозит руки и лица. Идѹт, спотыкаются, скользят в темнотѣ солдаты. С трудом передвигают одеревенѣвшие ноги. Всѣ тише и тише солдатский шаг.

— Не отставай! Не отставай! — кричит Лѹков.

Прошел еще час. И вот уже кончились силы солдатские. Остановились. Хоть убей — не пойдем дальше! Повалились солдаты на камни.

— Вперед! Вперед! — надрывает голос Лѹков.

Да только нет такой силы, чтобы снова подняла солдатские ноги в поход. Изнемог Лѹков, посмотрел еще раз в темнотѹ — не видно костров, опустился и сам на камни.

И вдруг:

— Вижу! Вижу!

Встрепенулся капитан. Встрепенулись солдаты. Смотрят: с носилок привстал раненый солдат Иван Кожин и тычет рукой вперед.

— Видит! Видит! — понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась. Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья и снова в

доро́гу. Повеселéли солда́ты. Ай да Ко́жин! Ай да глаза́стый!

Прошли́ солда́ты с версту́. То́лько что́-то огнeй не ви́дно. Те, что побли́же к Ко́жину, ста́ли шумeть:

— Где твой костры́? Совра́л!

— Ви́жу! Ви́жу! — по-пре́жнему кричи́т Ко́жин и ты́чет па́льцем впе́рёд.

Всма́триваются солда́ты — ниче́го не ви́дят. Не ви́дят, а всё же иду́т. Кто его́ знаeт, мо́жет, и впра́вду Ко́жин тако́й глаза́стый.

Прошли́ ещё о́коло версты. А всё же костро́в не ви́дно. И сно́ва ста́ли ропта́ть солда́ты:

— Не пойдём да́льше!

— Не ве́рьте ему́!

— Бра́тцы! — кричи́т Ко́жин. — Ви́жу. Ей-бо́гу, ви́жу! Тепeрь у́же совсе́м недалеко́. Тепeрь ря́дом. Вон как полыха́ют, — и сно́ва ты́чет па́льцем впе́рёд.

Браня́тся, ро́пщут солда́ты, а всё же иду́т.

Тропа́ огиба́ла како́й-то вы́ступ. Заверну́ли солда́ты за скалу́ и вдруг внизу́, совсе́м ря́дом, сквозь метeль и непого́ду и впря́мь заблестeли огни́.

Остановились солдаты, не верят своим глазам.

— Видишь? — переспрашивают друг друга.

— Вижу!

— Вижу!

— Вижу!

— Ай да Кожин! Ай да молодец! Ай да глазастый! — кричат солдаты. — Первым увидел. Ура Кожину!

Сорвались солдаты с мест и рысцой вниз к кострам, к теплу, к боевым товарищам.

Притащили и носилки с Иваном.

— К огню его, к огню! — кричат. — Пусть отогревается. Заслужил! Всех выручил!

Осветило пламя Иваново лицо. Глянули солдаты и замерли. Лицо обожжено. Брови спалены. А на месте глаз...

— Братцы, да он же слепой! — прошептал кто-то.

Смотрят солдаты. Там, где глаза, у Кожина пусто. Выбило вчера в арьергардном бою французской гранатой глаза солдатские.

«РАЗРЕШИТЕ ПОСТРАДАТЬ...»

Преодолели герои горы. Впереди открылась долина. Сгрудились солдаты на скалах, смотрят вниз. Там, внизу, долгожданный конец похода.

— Ура! — закричали солдаты.

Однако рано радовались герои. Оборвался у самых солдатских ног козья тропка. Подойдешь к краю обрыва — голова кружится. Выделил Суворов отряды. Облазили те округу — нет спуска в долину.

Задумался Суворов, собрал генералов и офи-

цёров на военный совет. А солдаты остались над пропастью и тоже решают.

— Надо назад, — говорит один.

— Куда же тебе назад? — возражает второй. — Надо вперёд.

— Ну, а куда вперёд?

Солдат задумался.

— Туда, — показав пальцем в долину.

— «Туда»! — передразнили его товарищи. — Это и без тебя ясно. Только как же туда?

— Надо подумать.

Думают солдаты. Морщат лбы, прикидывают и так и этак. Однако что же здесь придумаешь!

— Братцы, — вдруг произнёс плечистый парень из апшеронцев, — а что, ежели...

Солдаты повернули головы в его сторону.

— У нас в деревне, — стал вспоминать парень, — ого-го какая круча была, так мы, бывало, ребятами с той кручи на чём сидишь съезжали.

— Тьфу! — сплюнул с досады какой-то усач. — На чём сидишь! Да тут от тебя и мокрого места не останется.

— Тут, как богу будет угодно, — перебил его сосед. — Поди, всё же правду говорит парень. Ну, ежели не сидя, так лёжа, может, и получится.

— Мѡжно и лёжа,— соглашается пѡрень.
И снова заспорили солдѡты.

Одѡн за то, что полѡчится, другѡе — что в ѡтом дѡле вѡрная гибель.

— Эхмѡ! — вздохнул пѡрень.— Былѡ не былѡ! — Скинул шѡпку, бросил о кѡмни.— Разрешѡйте,— говорѡйт,— пострадѡть за правослѡвный нарѡд.

Перекрестѡлся пѡрень, ружьѡ под мѡшку — и к пропѡсти. Лѡг нѡ спину.

— Ты кудѡ! — подбежѡли солдѡты.

— Разрешѡйте пострадѡть...— повторѡл пѡрень и отпустил рѡки.

Летѡт пѡрень, переворѡчивается то с бѡку нѡ бок, то чѡрез гѡлову. Ударѡется о кѡмни. Сюртѡк растрепѡло, ружьѡ выпѡло. Смѡтрят солдѡты, а у самѡх мурашки по тѡлу. Пролетѡл пѡрень ещѡ мѡтров сто и вдруг перестѡл катѡться. Поднялся, одѡрнул сюртѡк, замахѡл товѡрищѡм.

— Жив! Жив! — закричѡли солдѡты.

— Брѡ-а-тцы! — раздаѡтся снѡзу далѡкий гѡлос.— Смелѡй, брѡ-а-тцы!

Зашумѡли солдѡты. Задвѡгались. Бросились к пропѡсти. Одѡн, вторѡй, трѡтий...

Кѡнчил Сувѡров военный совѡт с генерѡлами и офицѡрами, вернулѡся к обрѡву, смѡтрѡит, а ужѡ треть ѡрмии там, внизѡу, в ширѡкой долине.

Вскѡре вся рѡсская ѡрмия кѡнчила спуск. К вѡчеру тогѡ же дня солдѡты достѡгли гѡрода Илѡнц. Альпѡйский похѡд был закончен.

— Ну и ну! — поражѡлись австрѡйские генерѡлы.— Олѡеньими трѡпами — провести цѡлую ѡрмию!

— А что,— улыбалѡся Сувѡров.— Там, где

олень пройдёт, там и солдат пройдёт. Где олень не пройдёт, так и там российскому солдату пути не заказаны.

ГЕНЕРАЛАМ ГЕНЕРАЛ

За Альпийский поход Суворову был присвоен чин генералиссимуса русских войск.

Возвращаясь с группой солдат на родину, фельдмаршал остановился передохнуть в пограничном трактире. Зашёл в избу, заказал себе холодной телятины, миску гречневой каши и стопку вина.

— Ну и каша, дельная каша! — нахваливает Суворов. — Давно такой не едал. И вино дельное. Не грех за российского солдата такое вино выпить.

Около избы расселись солдаты. Тоже едят кашу и пьют вино.

— Дельное вино, — хвалят солдаты. — Крепкое. Не грех такое за фельдмаршала выпить.

И лишь один Прощка крутился около лошадей. Его и обступили местные мужики.

— Что же это за такой непонятный чин теперь у твоего барина? — стали спрашивать они у суворовского денщика.

— А чего тут непонятное? — отвечал Прощка. — Тут всё ясное. Генералиссимус надо разуместь так: генералам всем генерал. Самой главной персоной теперь получается.

— Ты смотри! — произнёс парень в онучах.

— А что, верно! — вставил хилый мужичонка в дражных портках.

— Заслужил, — согласился мужик с бородой.

А Суворов в это время стоял на крыльце и всё слышал.

— Не я! Не я! — закричал он с порога. — Не я, — повторил, подойдя к мужикам. — Вон Прощка мой самый главный. Вон тот, — ткнул в сторону рябого высоченного солдата. — Вот этот, — показал на приземистого седоусого капитала. — Вот они, — обвёл рукой остальных солдат.

При этих словах Суворов сел в таратайку и приказал погонять лошадей. Поднялись, двинулись в путь солдаты. Заклубилась дорожная пыль. Грянула солдатская песня.

Остались мужики на дороге. Стоят, недоумевающе смотрят вслед.

— Пошутил барин, — наконец обронил парень в онучах.

— Чудное что-то сказал, — произнёс хилый мужичонка.

— Эх, вы! — заявил мужик с бородой. — Правду сказал фельдмаршал. Без солдата они никуда. В народе — русская сила. Он и есть генералам генерал настоящий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I.

ВСЮДУ ИЗВЕСТНЫ 3

Глава II.

ПРИВЫКАЙ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕУТОМИМОЙ 53

Глава III.

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД 99

Для восьмилетней школы

Сергей Петрович Алексеев

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

ИБ № 6666

Ответственный редактор *Г. В. Кузнецова*

Художественный редактор *Л. Д. Бирюков*

Технический редактор *Г. Г. Седова*

Корректоры *И. Н. Мокина* и *М. Ю. Сиротникова*.

Сдано в набор 10.10.83. Подписано к печати 24.04.84.

Формат 84×108¹/₃₂ Бум. книжно-журн. № 2.

Шрифт литературный. Печать высокая

Усл. печ. л. 6,72 Усл. кр.-отт. 7,09 Уч.-изд. л. 4,76.

Тираж 100 000 экз. Заказ № 3979 Цена 35 коп.

Орден Трудового Красного Знамени

и Дружбы народов издательство «Детская

литература» Государственного комитета РСФСР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика

«Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома

Государственного комитета РСФСР по делам

издательств, полиграфии и книжной торговли.

Москва, Сушёвский вал, 49

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

35 коп.